

Маркиз де Сад
120 дней Содома

Перевод с французского
Евгения Храмова

ФТМ

Маркиз Сад

**120 дней Содома,
или Школа разврата**

«ФТМ»

1785

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Сад М. д.

120 дней Содома, или Школа разврата / М. д. Сад —
«ФТМ», 1785

ISBN 978-5-699-95011-9

Самые откровенные, шокирующие, порочные фантазии в романе величайшего знатока эротики Маркиза де Сада. Философия разрушения, превознесения порока, все виды изнасилований и наказаний — в романе «120 дней Содома, или Школа разврата», написанном в Бастилии. Рукопись была спрятана де Садом в стене камеры и случайно обнаружена только в 1900 году. По мотивам книги снята драма Пазолини «Сало, или 120 дней Содома» — о последних днях итальянского фашизма.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-95011-9

© Сад М. д., 1785
© ФТМ, 1785

Содержание

Почему Сад?	6
Правила	32
Персонажи романа о Школе Либертинажа	38
День первый	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад 120 дней Содома, или Школа разврата

© Е. Храмов, перевод на русский язык. Наследники, 2017

* * *

Почему Сад?

В конце Второй мировой войны, когда от обширной империи Муссолини осталась небольшая часть на севере Италии, Гитлер позволил своему верному союзнику попользоваться напоследок властью – вождь итальянского фашизма возглавил так называемую «Республику Сало», названную по имени своей «столицы», маленького городка Салол. В эти дни четверо крупных фашистских иерархов решают в приближении конца «потешить» себя. В брошенный владельцем просторный помещичий дом их молодчики сгоняют окрестных девушек и юношей, из которых после тщательного отбора оставляют самых красивых. Четыре месяца (120 дней) четверо негодяев развлекаются с ними. Четыре месяца самого разнузданного разврата, изощренных сексуальных извращений и мучительных пыток, приводящих к увечьям и смерти жертв. Не каждый может досмотреть до конца фильм гениального и безумного итальянского режиссера П. Пазолини «Сало». И зря – нужно пройти через все круги этого кинематографического ада, чтобы увидеть финальные кадры – радостный светлый танец двух прекрасных молодых существ, сохранивших в этой преисподней свежесть чувства и веру в любовь.

В основе фильма Пазолини лежит роман Донасьена-Альфонса-Франсуа де Сада «Сто двадцать дней Содома». Как случилось, что написанный в 1785 году роман оказался почти через два столетия востребованным итальянским режиссером для обличения фашизма?

Уходящий XX век предстал перед нами как жесточайшая проверка всех гуманистических ценностей, выработанных человечеством. Государственные режимы, действовавшие на пространстве этого века во многих странах, составлявших куда больше одной шестой мира, создав страшные машины подавления и репрессий, обесценили человеческую жизнь. Все чаще и во все более широких масштабах насилие стало проявляться в отношениях между людьми и в международных отношениях. Не случаен потому интерес многих современных ученых к проблеме насилия, к проблеме агрессивности в человеке. Восходит ли агрессивность, разрушительное начало к докультурному, бессознательному прошлому или, наоборот, именно культура способствовала проявлению агрессивности, создав множество запретов и табу, пробуждающих в человеке желание «освободиться» от них? Среди современных исследователей есть сторонники как первой, так и второй точки зрения.

Но ясно и недвусмысленно попытался ответить на этот вопрос человек, живший в далеком XVIII веке и подписывающий свои произведения «Маркиз де Сад».

Одним из первых в европейской культуре он осознал, что всякое общество, демократическое или тоталитарное, навязывает людям те или иные эротические стандарты, пытается вмешаться в сферу жизни, считающуюся личной, интимной, – именно так определил значение де Сада известный историк культуры профессор П. Ф. Гуревич (см. его предисловие к сборнику повестей де Сада, выпущенных издательством «Республика» в 1993 году).

Персонажи де Сада и восстают против этих попыток. Ничем не ограничивают они себя в уладах секса. С какими только видами перверсий не встречается читатель книг де Сада: гомосексуализм женский и мужской, фетишизм, скотоложество. Словом, загляните в учебник сексопатологии – и вы найдете там все, что описано у бунтующего маркиза. Что ж, по убеждению де Сада, в этой сфере человек должен быть свободен.

Да вот беда: в большинстве случаев все эти «пиршества плоти» осуществляются путем насилия; не с партнерами, а с жертвами. Непременным условием получения наслаждений для многих героев де Сада является причинение страданий своей жертве, причем не только физических, но и моральных. Главным предметом исследований де Сада становится насилие, и оправданием, причем зачастую хитроумным и логически убедительным, заняты его герои. Известная французская писательница Симона де Бовуар считает, что Сад заслужи-

ваит внимания прежде всего не как писатель или философ, а потому, что «его отклонения от нормы приобретают ценность, когда он разрабатывает сложную систему их оправдания. Сад старается представить свою психофизиологическую природу как результат этического выбора» (цит. по «Эрос», М., 1991).

Относительно «своей» натуры добавим, в пояснения слов французской исследовательницы, что в большинстве ужасов, представленных в его книгах, Сад был неповинен. За ним водилось лишь пристрастие к гетеросексуальному анальному коитусу да к флагелляции; более того, этот «кровожадный маркиз», будучи во времена Революции судьей, не вынес ни одного смертного приговора (за что и поплатился еще одним тюремным заключением).

И еще одно замечание. На все хитроумные доводы в оправдание своих злодеяний герои де Сада встречают лишь одно возражение со стороны своих жертв. «А как же Бог?» – спрашивает кроткая Жюстина, защищаясь от посягательств на ее добродетель. И тут начинается проповедь безверия, атеизма, произносятся кощунственные слова и осуществляются кощунственные действия – все сгодится в дело, чтобы доказать, что Бога бояться нечего, что он химера, выдумка, вековое заблуждение. «Раз Бога нет – все дозволено», – задолго до Достоевского «саdisty» формулировали эту мысль. Вот почему и сегодня так злободневен французский маркиз, и совершенно справедливо Виктор Ерофеев свое предисловие к десяти tomному собранию сочинений де Сада озаглавил «Мой Сад, мой современник».

В Советском Союзе де Сад долгое время был под запретом, даже в Библиотеке иностранной литературы нельзя было получить его книги. Теперь ситуация изменилась. В девяностых годах вышли и «Жюстина», и «Жюльетта», и «Философия в будуаре», и другие вещи. Переведена на русский язык и книга Дональда Томаса «Маркиз де Сад» (Смоленск, «Русич», 1998), к которой мы и отсылаем заинтересовавшихся жизнеописанием французского писателя и мыслителя. Мы скажем лишь несколько слов о самом скандальном романе де Сада, который мы предлагаем нашим читателям.

«Сто двадцать дней Содома» писались в тюрьме, в той самой Бастилии, которой предстояло рухнуть через несколько лет после написания романа. Де Сад сам сообщил нам о сроках своей работы: «этот огромный свиток был начат 22 октября 1785 года и закончен за тридцать семь дней».

Да, работать этот французский аристократ умел. Рулон бумаги длиной в 12 с лишним метров, заполненный его мелким почерком, с замечаниями на полях, составивший в пересчете на современный лад четыреста пятьдесят страниц убористого текста, был заполнен за месяц с небольшим! Таких темпов вряд ли можно достичь в наш компьютерный век. Мы знаем о занятиях заключенных, желающих как-то убить время, бесконечно тянущееся в тюремных стенах. Маркиз де Сад в своей камере в Бастилии не убивал время – он создавал его. Ежедневно с семи часов вечера и иногда до полуночи он создавал свой мир, в котором его героям предстояло прожить четыре месяца. Возможно, роман предназначался лишь самым близким друзьям, он был не для посторонних глаз. Поэтому и так необычен способ его написания. Вместо переплетенных тетрадок, в которых маркиз писал обычно и скрыть которые почти невозможно, он писал на небольших листках бумаги шириной в 12 сантиметров, склеенных в огромный двенадцатиметровый свиток, который он и начал заполнять своим мелким и четким почерком. Когда «рабочий день» кончался, маркиз прятал свернутый свиток за портьерами в стене камеры. Там он и остался, когда де Сад был выпущен из Бастилии. Сам автор считал роман утерянным и никаких попыток вернуться к нему не делал. Почему?

По-видимому, написав первую часть романа, Сад решил, что с его работой что-то не так. Он составил список ошибок, совершенных им при написании первой части, и набросал план трех последующих частей.

Свиток де Сада был найден спустя сто двадцать лет. В разных издательствах и на разных языках выходила эта книга, которая «считается, с одной стороны, самой гнусной из когда-либо написанных книг, с другой – искусно изложенным откровением самых темных человеческих фантазий» (Д. Томас).

Это определение одного из исследователей жизни и творчества де Сада помогло нам решить проблему «неоконченности» романа. Если первая часть, посвященная ста пятидесяти «простым страстям», действительно является искусным изложением и представляет, несомненно, художественный интерес, то три последующие, описывающие страсти «сложные», «преступные» и «смертельные», являются простым перечнем различных патологических случаев и протокольной записью растления того или иного юного «предмета» («В этот вечер герцог лишил такую-то невинности спереди, а епископ такого-то сзади»). Они имеют только клинический интерес и годятся разве что в академическом издании.

Евгений Храмов

* * *

Многочисленные войны, которые пришлось вести Людовику XIV в годы своего правления, истощив и финансы государства, и жизненные силы народа, открыли, однако, секрет обогащения невероятному числу кровососов, кои всегда вместо того, чтобы смягчить последствия общих бедствий, стремятся использовать их ради своей пушей выгоды. Завершение этого царствования, впрочем, весьма блестящего, являвшего собой, быть может, вершину могущества Франции, отмечено возникновением множества сомнительных состояний, чьи владельцы поражали не только роскошью, но и заботливо скрываемым развратом.

Незадолго до того, как Регент попытается с помощью знаменитого трибунала, известного под именем Палаты Правосудия, задушить этих богатеев-откупщиков, четверо из них, мнивших себя единственной в своем роде элитой порока, задумали некое предприятие, о чем и будет рассказано ниже.

Было бы ошибкой думать, что беззастенчивым собиранием налогов занимались люди низкого звания. Отнюдь – к этому были причастны сливки общества. Герцог Бланжи и его брат епископ ***, оба баснословно разбогатевшие на откупках, являют неоспоримое доказательство того, что благородное происхождение подчас совсем не мешает обогащению подобными средствами. Оба этих достославных персонажа, тесно связанные деловыми отношениями и погоней за удовольствиями с неизвестным Дюрсе и президентом Кюрвалем, первыми замыслили оргии, историю которых мы описываем теперь, и вкупе с двумя своими друзьями стали организаторами и участниками этого невероятного распутства.

В течение шести лет четыре распутника, объединенные богатством, знатностью и высоким положением в обществе, укрепляли свои связи браками, целью которых был прежде всего разврат. Именно он был основой этих союзов. И вот как это происходило.

Герцог Бланжи, трижды вдовец, имевший от одного брака двух дочерей, узнав о том, что президент Кюрваль хочет жениться на старшей из них, несмотря на то, что ему было известно о вольностях, которые отец допускал по отношению к ней, герцог, говоря вам, сразу же представил себе преимущества этого тройного союза.

– Вы хотите жениться на Юлии, – сказал он Кюрвалю. – Я вам отдаю ее без колебаний, но с одним условием: вы не будете ревновать, если она, уже будучи вашей женой, не перестанет оказывать мне те же милости, что и до брака. Кроме того, вы поможете мне убедить нашего общего друга Дюрсе выдать за меня его дочь Констанцию, к которой я питаю чувства, весьма похожие на те, которые вы испытываете к Юлии.

– Но, – заметил Кюрваль, – вы, конечно, не можете не знать, что Дюрсе не меньший распутник, чем вы...

– Я познал все, что можно, – отвечал герцог. – Да разве в нашем возрасте и с нашими взглядами на вещи подобная малость может меня остановить? Вы думаете, я ищу в жене только любовницу? Она нужна мне для удовлетворения моих капризов, моих тайных желаний и страстей, которые покров Гименея окутает самым надежным образом. Одним словом, я желаю ее так же, как вы желаете мою дочь. Вы думаете, я не знаю о ваших целях и желаниях? Мы, сластолюбцы, порабощем женщину. Положение жены обязывает ее быть более покорной, чем любовница, а уж вам ли не знать, какую роль в наслаждении играет ничем не ограниченная власть!

За этой беседой и застал их Дюрсе. Друзья поведали ему о содержании их разговора и были рады услышать, что и он питает нежные чувства к Аделаиде, дочери президента. Дюрсе согласился принять герцога в зятя при условии, что сам он станет зятем Кюрваля.

Три свадьбы не замедлили состояться – с огромными придаными и с одинаковыми условиями контрактов. Президент признался в тайных отношениях с собственной дочерью, Дюрсе это нимало не смутило, и все три отца, желая сохранить свои права и в целях еще большего их расширения, признали, что три молодые особы, связанные со своими мужьями лишь имуществом и именем, телом принадлежат в одинаковой мере всем трем мужчинам, а если они этому воспротивятся, то будут наказаны самым жестоким образом в соответствии с договором, который подпишут.

Все уже было оговорено, когда появился епископ ***, хорошо знакомый с двумя друзьями своего брата по общему времяпрепровождению; он предложил добавить четвертого участника заключаемого союза, если трое других не станут возражать. Участником этим была вторая дочь герцога, она же племянница епископа, состоявшего в связи со своей невесткой, причем оба брата знали, что именно епископу *** обязана была своим появлением на свет юная Алина. Епископ наблюдал за развитием Алины с колыбели, и как вы легко можете догадаться, никак не желал упустить случай насладиться этим цветком, едва тот расцветет. Как видим, предложение епископа *** ни в чем не противоречило намерениям трех его сотоварищей. Ими тоже двигали самые низкие страсти. Что же касается красоты и молодости упомянутой особы, которыми предстояло насладиться, то именно по этой причине никто из троих не усомнился в предложениях епископа ***. Он, как и трое других, тоже пошел на определенные уступки, сохраняя не менее определенные права; таким образом, каждый из четырех наших героев оказался мужем всех четырех женщин.

Итак, чтобы помочь читателю разобраться, представим ему всю картину: герцог, отец Юлии, стал супругом Констанции, дочери Дюрсе; Дюрсе, отец Констанции, стал мужем Аделаиды, дочери президента; президент, отец Аделаиды, женился на Юлии, старшей дочери герцога; и епископ ***, дядя и отец Алины, стал супругом трех других женщин, уступив, в свою очередь, Алину своим друзьям, но сохранив на нее известные права.

Счастливые свадьбы состоялись в расположенном в Бурбоннэ великолепном имении герцога, и я оставляю читателям возможность вообразить себе все оргии, происходившие там. Необходимость описать другие не позволяет нам сосредоточить внимание на первых. После этого союз наших друзей еще более окреп. И поскольку важно дать читателю полное представление о наших героях, эти небольшие подробности, как мне кажется, позволят лучше рассмотреть их портреты, которые я собираюсь представить в совершенной полноте.

Общество создало общую кассу, которой в течение шести месяцев управлял каждый по очереди. Фонды этой кассы, служившей лишь удовольствиям, были весьма велики. Огромные суммы расходовались на самые причудливые вещи, и читатель совсем не должен удивляться, когда ему скажут, что два миллиона франков было израсходовано за год только на радости стола и постели четырех развратников.

Четыре знаменитых сводницы и столько же сводников, вербующих мужчин, не знали иных забот в Париже и провинции, кроме того, чтобы найти самое лучшее и в женском, и в мужском поле для услады похоти наших героев.

Регулярно, четырежды в неделю, попеременно в четырех сельских домиках, расположенных за четырьмя различными воротами Парижа, устраивались совместные ужины.

На первый из них, целиком посвященный удовольствиям в духе Содома, приглашались только мужчины. Туда доставляли шестнадцать молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати лет для совокупления с нашими четырьмя героями, которые играли роли женщин. Молодых людей подбирали по размеру детородного органа. Было необходимо, чтобы член достигал такого великолепия, что никогда ни одной женщине не удавалось принять его в себя. Это был важный пункт договора, и поскольку деньги текли рекой и за ценой не стояли, условия редко не выполнялись. Чтобы испытать все удовольствия разом, к шестнадцати исполнявшим роли мужей, добавлялось такое же число более молодых юношей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет, которые выполняли роль женщин. Эти юноши должны были обладать свежестью, грацией, красотой лица, невинностью и душевной чистотой – и всем этим в наивысшей степени. Ни одна женщина не допускалась на мужские оргии, где воплощалась вся роскошь празднеств Содома и Гоморры.

Второй ужин был посвящен девушкам из хороших семей, которые обязаны были оставить свое высокомерие и чопорность и соглашаться на самое недостойное с собой обращение, отдаваться причудливым капризам развратников и даже терпеть от них оскорбления. Число их обычно составляло двенадцать, и так как Париж не всегда мог поставить нужное число благородных жертв, на вечера иногда приглашались дамы другого сорта: жены судейских и офицеров. В Париже насчитывается от четырех до пяти тысяч женщин из этих двух сословий, которых нужда или страсть к разврату заставляют предаваться подобным занятиям. Их только надо было найти; наши развратники в своем деле толк знали, и на этом пути их ожидали порой настоящие открытия. Но из каких бы сословий ни были эти дамы, им приходилось беспрекословно подчиняться всему: здесь разврат, никогда не знающий границ, подогревался жестокостью и грязной бранью, хотя, казалось бы, благородное происхождение и условности света должны были избавить дам от подобных испытаний, но там, где они оказались, отказу быть не могло, а так как четверо наших злодеев имели вкусы самые гнусные, ценили разврат самый чудовищный, угодить им было делом нелегким.

Третий ужин был посвящен созданиям с самого дна общества, наиболее низким и непристойным, каких только можно встретить.

Тем, кто знаком с прихотями распутства, эта «изысканность» покажется естественной. Распутник испытывает особенное сладострастие в том, чтобы извлекаться, так сказать, в нечистотах вместе с подобного рода тварями. Здесь он испытывает падение самое глубокое, распутство самое мерзкое, унижение самое полное, и эти удовольствия в сравнении с теми, которые испытали накануне с самыми утонченными девушками из общества, придают особую остроту наслаждению и в том, и в другом случаях. Ничего не было забыто, чтобы сделать разврат всеобъемлющим и пикантным. В течение шести часов на вечере появлялось до ста шлюх; не все они возвращались обратно. Но не будем упреждать события. Эта особая «изысканность» относится к деталям, о которых еще не настало время говорить.

Четвертый вечер предназначался девственницам. Их отбирали в возрасте от семи до пятнадцати лет. Условия были те же. Обязательным было очаровательное личико и гарантия девственности. Она должна была быть подлинной. В этом заключалась невероятная утонченность разврата. Впрочем, наши распутники не стремились сорвать все цветы, да и как бы они это сделали, если девочек всегда было двадцать, а из четырех героев только два участвовали в этом акте: один из двух оставленных не испытывал эрекции, епископ же мог наслаждаться лишь таким образом, что девушка оставалась девственной, хотя и теряла свою честь.

Тем не менее число всегда оставалось двадцать, и те девочки, которых не смогли лишить невинности наши герои, становились добычей слуг, таких же развратных, как господа.

Помимо этих четырех вечеров по пятницам устраивались тайные и особливые, менее многочисленные, чем четыре вышеописанных, хотя, может быть, требующие еще больших затрат. На эти вечера приглашались лишь четыре молодые особы из состоятельных семей, вырванные у их родителей силой или с помощью денег. Жены наших развратников почти всегда участвовали в оргиях, и полное послушание, заботливость, а главное, их услужливость делали эти вечера еще более пикантными.

Что касается кухни на этих вечерах, то нет надобности говорить, что изобилие царило там наравне с тонкостью. Ни одно такое пиршество не обходилось менее чем в десять тысяч франков; привозилось все то, что Франция и заграница могли предложить наиболее редкого и экзотического. Вина и ликеры были в изобилии и большом разнообразии. Фрукты всех сезонов подавались даже зимой. Можно предположить, что стол первого монарха земли не обслуживался с такой роскошью и великолепием.

Вернемся теперь к началу нашего повествования и постараемся со всем тщанием нарисовать читателю портрет каждого из четырех героев, ничего не скрывая и не приукрашивая, с помощью кисти самой природы, которая, несмотря на беспорядок, порой отличается удивительной тонкостью, что часто, к слову, ей во вред самой. Ибо – осмелимся, между прочим, высказать рискованную мысль, – если преступление не обладает тем родом деликатности, что присуща добродетели, то не выглядит ли оно зачастую даже высоким и в какой-то степени величественным, превосходя в привлекательности томную и унылую добродетель?

Вы скажете, что в жизни для равновесия нужно и то и другое? И нам ли проникать в законы природы, нам ли решать, что более необходимо: порок или добродетель? Чтобы склониться в этом споре на ту или иную сторону, надо обладать особыми, высшими полномочиями, которыми она нас не наделила. Но продолжим наше повествование.

ГЕРЦОГ БЛАНЖИ уже в восемнадцать лет стал обладателем огромного состояния, которое он значительно округлил с помощью махинаций по незаконному взиманию налогов. Он рано испытал на себе недоброжелательство толпы, взвешивающей на очень богатого юношу, ни в чем себе не отказывающего. Почти всегда в таких случаях мерилom собственных сил становится мера порока. Если бы герцогу была бы от рождения дарована простая, примитивная натура, то, быть может, она бы уравновесила опасности его положения. Но Природа, эта диковинная мать, иной раз словно сговаривается с Фортуной, чтобы та споспешествовала всем дурным склонностям, которыми она, Природа, награждает некоторых из своих созданий в целях, совершенно противных целям добродетели. Оттого, что Природа, повторю я, равно нуждается как в пороке, так и в добродетели, она вручила обладавшему несметным богатством Бланжи все свойства, необходимые для того, чтобы этим богатством злоупотреблять. Вместе со злодейски изощренным умом она вдохнула в него черную черствую душу, чудовищные вкусы и прихоти ужасающего разврата, которому герцог и предавался вволю. Рожденный лживым, грубым, властным, жестоким, себялюбцем, равно расточительным для своих удовольствий и скупым, когда дело шло о пользе других; враль, обжора, пьяница, содомит, кровосмеситель, убийца, поджигатель, вор – хоть бы одна добродетель в реестре его качеств! Да что я говорю? Он был убежден и часто повторял, что, чтобы стать полностью счастливым, человек должен пройти через все возможные пороки и никогда не позволять себе никаких добродетелей. Должно вершить только зло и никому никогда не делать добра. «Есть немало людей, которые совершают зло только в порыве страсти, – говорил герцог. – Справившись с заблуждением, их душа возвращается на путь добродетели. Вот так в ошибках и угрызениях совести проходит их жизнь, и в конце ее они уже не знают, какова же была их роль на земле».

– Эти создания, – продолжал герцог, – должны быть несчастны: всегда колеблющиеся, всегда нерешительные, они проходят по жизни, ненавидя утром то, что было ими сделано вечером. Познавая удовольствия, они дрожат, позволяя их себе, и таким образом становятся порочными в добродетели и добродетельными в пороке. Моя натура другая. Я не испытываю подобных колебаний в своем выборе. И так как я всегда уверен, что найду удовольствие в том, что делаю, раскаяние не ослабляет влечения. Твердый в своих принципах, которые сформировались у меня еще в молодые годы, я всегда поступаю в соответствии с ними. Они помогли мне понять пустоту и ничтожество добродетели. Я ее ненавижу и никогда к ней не вернусь. Я убедился, что порок – это единственный способ заставить человека испытать сладострастие, этот головокружительный трепет, моральный и физический, источник самых восхитительных вожделений. С нежных лет я отказался от химер религии, убедившись, что существование Бога – это возмутительный абсурд, в который ныне не верят даже дети. И я не собираюсь сдерживать свои влечения, чтобы ему угодить. Ими меня наделила природа, и если бы я им воспротивился, это возмутило бы ее. Если она дала мне плохие наклонности, значит, считала таковые необходимыми для меня. Я – лишь инструмент в ее руках, она вертит мною, как хочет, и каждое из совершенных мною преступлений служит ей. Чем больше она мне их внушает, тем, значит, более они ей нужны. Я был бы глупцом, если бы противился ей! Таким образом, против меня только законы, но их я не боюсь: мое золото и мое положение ставят меня над этими вульгарными запорами, в которые стучатся одни плебеи.

Если бы герцогу сказали, что у людей тем не менее существуют идеи справедливости и несправедливости, являющиеся творением той же природы, поскольку их находят у всех народов и даже у тех, кто вообще не приобщен к цивилизации, он бы ответил, что эти идеи относительны, что сильнейший всегда находит справедливым то, что слабый считает несправедливым, и если бы их поменяли местами, то соответственно изменились бы и их мысли, из чего Бланжи делает вывод, что то, что доставляет удовольствие, – справедливо, а что неприятно – несправедливо. Что в тот момент, когда он вытаскивает сто луидоров из кармана прохожего, он совершает поступок, справедливый для себя, хотя обокраденный им человек должен на это смотреть по-другому. Так что эти понятия всего-навсего произвольны и только совершенный безумец может себя ограничивать ими. С помощью подобной философии герцог оправдывал все свои поступки, эти аргументы казались ему убедительными. Творя таким образом свою жизнь с помощью своей философии, герцог с самой ранней юности пустился в самое постыдное и поразительное распутство. Его отец, рано умерший, оставил ему, как я уже говорил, огромное состояние, но поставил условием, чтобы при жизни его матери значительная часть состояния принадлежала ей. Это условие очень скоро разодралось Бланжи; злодей увидел свое спасение в яде и решил его использовать. Но так как тогда он лишь вступал на путь порока, то не осмелился действовать своими руками и привлек к осуществлению замысла одну из своих сестер, с которой состоял в преступной связи, пообещав ей за это часть полученного таким образом наследства. Девушка побоялась совершить преступление, и герцог, испугавшись раскрытия тайны, ни минуты не поколебавшись, присоединил к избранной жертве и ту, что еще недавно была его сообщницей. Он отвез обеих в одно из своих загородных имений, откуда им никогда не было суждено вернуться.

Ничто так не воодушевляет, как первое безнаказанное преступление. После этого опыта герцог уже не знал удержу. Едва кто-нибудь оказывал ему малейшее сопротивление, тотчас же в дело шел яд. От убийств по необходимости он вскоре перешел к убийствам из сладострастия. Он постиг злосчастное извращение чувств, позволяющее находить удовольствие в чужих мучениях. Он испытал, как насилие, творимое над другим, приводит в волнение все наши нервы, как побуждает к живейшему действию те из них, что управляют эрекцией, как это потрясение порождает то, что называют страстью похоти.

И вот он начал совершать кражи и убийства единственно ради удовлетворения похоти, точно так же, как другие ради этого отправляются к девкам. В двадцать три года вместе с тремя единомышленниками, которым он сумел внушить свою философию, он остановил на большой дороге дилижанс. Женщин и мужчин они изнасиловали и убили, забрав у жертв все деньги, в которых решительно не нуждались; в тот же вечер все четверо отправились на бал в Оперу, чтобы обеспечить себе алиби. Это преступление не оказалось единственным: две очаровательные барышни были обесчещены и убиты в объятиях их матери. Потом было бесчисленное число других преступлений, но никто не мог заподозрить в них герцога и его сообщников.

Охладев к прелестной супруге, которую его отец вручил ему перед своей смертью, молодой Бланжи не замедлил отправить ее туда же, где уже пребывали его мать, сестра и все другие жертвы, и все это для того, чтобы жениться на другой девушке, достаточно богатой, но с уже испорченной в свете репутацией: он знал, что она – любовница его брата. Это как раз и была мать Алины, одной из героинь нашего романа, о которой шла речь выше. Вторая супруга вскоре разделила участь первой, уступив место следующей, которой была уготована та же судьба. В свете говорили, что причиной смерти жен герцога было его могучее телосложение, представлявшее опасность всякой женщине, и, так как он и вправду был исполином во всех отношениях, это помогало ему скрывать истину. Этот ужасающий колосс наводил на мысль о Геракле и Кентавре: в нем было росту пять футов и одиннадцать дюймов, все члены обладали невероятной силой и энергией, голос был подобен трубе, а нервы как пружины. Добавьте к этому мужественное и надменное лицо с большими черными глазами и красивыми темными бровями, орлиный нос, ослепительные зубы, общий вид, излучающий здоровье и свежесть, широкие плечи, превосходную фигуру с узкими бедрами и стройными ногами, равных которым не было во всей Франции, характер из железа, лошадиную силу, красивые ягодицы и детородный орган, как у мула, чрезвычайно волосатый, обладающий способностью извергать сперму сколько угодно на дню, – даже в возрасте пятидесяти лет он обладал почти постоянной эрекцией. Величина его члена была восемь дюймов по окружности и двенадцать дюймов в длину. Таков был герцог; вот вам его портрет, как если бы вы его сами нарисовали.

Но если этот шедевр природы был свиреп в своих обычных желаниях, каким же – о Боже великий – он должен был стать, когда им овладевала похоть? Это был уже не человек, а разъяренный тигр. Горе тому, кто служил его страсти: ужасные крики, чудовищные богохульства исторгались из его груди, глаза метали молнии, он хрипел, он исходил пеной, его можно было принять за самого бога похоти. Каким бы способом он ни наслаждался, руки переставали его слушаться, и не раз ему случалось попросту душить женщину в момент своего жуткого экстаза. Очнувшись, с полнейшим равнодушием воспринимал он совершенные только что гнусности, но это безразличие, сменившее страсть, этот род апатии почти сразу же зажигал в нем огонь нового сладострастия.

В пору своей молодости герцог способен был извергать сперму до восемнадцати раз на дню, и член его перед последним излиянием был так же крепок, как и перед первым. И теперь, несмотря на свои полвека, семь-восемь раз в день не слишком смущали его. Лет с двадцати пяти он предавался пассивной содомии и выдерживал атаки так же доблестно, как и проводил их сам, когда тут же менялся ролями. Однажды он побился об заклад, что выдержит пятьдесят пять таких натисков за день. Обладая, как мы знаем, нечеловеческой силой, он одной рукой мог задушить девушку – и делал это не раз. В другой раз он на спор задушил лошадь, зажав ее голову между коленями.

Но подвиги его за столом превосходили, если только это возможно, его альковные подвиги. Трудно было сосчитать то количество пищи, которое он поглощал. Регулярно трижды в день он садился за стол, ел долго и обильно, обычно выпивая по десять бутылок бур-

гундского. Он был способен на спор выпить и тридцать, а то и пятьдесят. Но опьянение действовало на него так же, как похоть: как только выпитые вина и ликеры ударяли в голову, он впадал в бешенство, его приходилось порой связывать.

И при всем том – кто бы мог подумать? – недаром говорят, что душа не всегда соответствует телу, – этого колосса мог привести в трепет отважный ребенок, не дрогнувший перед ним, а в тех случаях, когда его козни и хитрости не удавались, он бледнел и дрожал, поскольку сама мысль о честной борьбе на равных способна была заставить его бежать на край света. Тем не менее ему пришлось сделать, как водится, одну или даже две кампании, но он так сумел себя опозорить, что вынужден был оставить службу. Защищая свое бесчестие столь же остроумно, сколь и нагло, он доблестно утверждал, что малодушие – не что иное как чувство самосохранения, а уж ни один здравомыслящий человек не сочтет это качество недостатком.

Сохранив в неприкосновенности черты и прибавив к ним внешность несравненно безобразнее описанной выше, мы получим портрет *епископа* ***. Та же черная душа, та же склонность к преступлениям, то же презрение к религии и атеизм, то же коварство, однако ум более гибкий и проворный, больше искусства в играх с жертвами; рост невысок, здоровье слабое, нервы весьма чувствительны; большая изысканность в утехх плоти, никаких особенных талантов, мужской член самый обыкновенный, пожалуй, маловат даже, но используемый так рачительно и бережливо, что, обладая к тому же пламенным воображением, епископ не уступал брату в постоянной готовности к наслаждению; впрочем, экзальтация и нервное возбуждение достигали у него такой силы, что он нередко терял сознание в момент извержения спермы.

Ему было сорок пять лет. Лицо с тонкими чертами, довольно красивые глаза, но отвратительный рот и зубы; тело белое, без единого волоска, зад маленький, но ладно скроенный; уд пяти дюймов в толщину и десяти в длину. Обожая в равной степени активную и пассивную содомию, все же большее пристрастие имел к пассивной, и это удовольствие, которое не требует большого расхода сил, вполне соответствовало его физическим данным. Позже мы поговорим о других его пристрастиях.

Что касается чревоугодия, то здесь он не отставал от брата, но при этом проявлял больше тонкости. Негодяй, ничуть не меньший, он обладал некоторыми чертами характера, которые, без сомнения, приравнивали его к известным поступкам только что описанного героя. Достаточно рассказать об одном из них, и читатель, познакомившись с тем, что следует ниже, сам будет судить, на что способен подобный человек.

Один из его друзей, человек очень богатый, имел когда-то связь с благородной девицей, от которой родил двоих детей, девочку и мальчика. Жениться на ней он так и не смог, и той пришлось выйти замуж за другого. Любовник злополучной девицы рано умер, оставив огромное состояние. Наследников у него не было, он решил оставить все состояние своим внебрачным детям. На смертном одре он поведал о своем намерении епископу и, поручив ему заниматься наследством и воспитанием детей, передал два одинаковых портфеля, предназначенных детям по достижении возраста, предусмотренного законом. Переданные деньги он просил вложить в банк, чтобы за это время состояние удвоилось. Он также просил епископа не сообщать их матери о том, что он сделал для детей, и вообще никогда не упоминать при ней его имени. Приняв все эти предосторожности, умирающий закрыл глаза, а епископ оказался обладателем миллиона в банковских чеках и попечителем двух детей. Негодяй раздумывал недолго: умирающий никому, кроме него, не говорил о своих намерениях, их мать ничего не знала, а дети были несмышлениши. Он объявил, что его друг завещал свое состояние бедным, и немедленно все присвоил себе. Но ему было мало разорить двух несчастных детей. Епископ, которого одно преступление вдохновляло на другое, вос-

пользовавшись пожеланием своего друга, взял детей из пансиона, где они содержались, и поместил их у своих людей, надеясь со временем заставить их послужить его гнусному сластолюбию. Епископ ждал, когда дети достигнут тринадцатилетнего возраста.

Мальчику тринадцать исполнилось первому. Епископ силой подчинил его своим порочным наклонностям; так как мальчик был очень красив, он наслаждался им целую неделю.

Девочке повезло меньше: она к указанному возрасту оказалась дурнушкой, но это не остановило епископа. Удовлетворив свои желания, он рассудил, что, если он оставит детей в живых, может раскрыться правда об их наследстве. И он отвез их в имение своего брата, где, уверенный, что новое преступление вновь разожжет в нем угасший было огонь сладострастия, принес обоим в жертву своим диким страстям, сопроводив смерть детей чудовищными жестокостями, исходя похотью среди их мучений. К несчастью, подобные секреты хранятся надежно и нет среди закоренелых развратников ни одного, кто не изведал, как убийство способствует наслаждению и насколько увеличивает сладость извержения семени.

Пусть эта истина послужит предостережением читателю, перед тем как он приступит к чтению труда, где эта теория раскрыта подробно.

Итак, уже не тревожась по поводу всех этих дел, его преподобие возвратился в Париж наслаждаться плодами своих злодейств, не испытывая никаких угрызений совести от того, что нарушил клятвы тому, кто уже не мог чувствовать ни боли, ни радости.

ПРЕЗИДЕНТ КЮРВАЛЬ являлся старейшиной общества. Ему было под шестьдесят. Потрепанный развратом, он представлял собою совершеннейший скелет. Он был высок, сух и тонок в кости. Запавшие потухшие глаза, синюшные, нездоровые губы, длинный нос, выступающий вперед подбородок. Шерсть, как на сатире, спина плоская, дряблые ягодицы смахивали на две грязные тряпки, спускающиеся с поясницы; кожа на них была настолько иссечена многочисленными ударами розог, что ее можно было накрутить на палец, он бы и не почувствовал. А посреди этого, как дар, от которого трудно отказаться, зияло жерло, огромный диаметр которого, цвет и запах напоминали скорее отверстие стульчака в нужнике, чем дыру в заднице. Чтоб оценить всю прелесть, надо узнать о милой привычке этой содомской свиньи оставлять вышеописанную часть своего тела в такой неопрятности, что она постоянно была украшена валиком пальца в два толщиной. Из-под морщинистого, синюшне-бледного живота виднелся в чаше волос инструмент, который в момент эрекции мог достигнуть восьми дюймов в длину и семи в толщину. Но такое с ним случалось крайне редко, и требовался целый ряд ужасных вещей, чтобы привести его в возбуждение. Однако раза два-три в неделю такое случалось. Президент без всякого разбора втыкал свой член во все отверстия, хотя задний проход юноши был для него всего предпочтительнее. Президент сделал себе обрезание и, таким образом, головка его члена никогда не была закрытой, – процедура, облегчающая и усиливающая восторги плоти, которой не мешало бы подвергнуться всем сластолюбцам.

Но одна из целей такой операции – содержание этой части тела в большей чистоте – с Кюрвалем достигнута не была: он был так же грязен спереди, как и сзади. Грязный всем своим обликом, президент соединял с этой нечистоплотностью и пристрастия по меньшей мере столь же свинские, и запах, исходивший от него, вряд ли показался кому-нибудь приятным. Но приятели президента не обращали внимания на такие мелочи и ни разу не пожаловались ему. Мало отыщется в свете людей, столь нескромных на язык и столь развратных, как президент, а так как он был развратником, поднаторевшим в разврате и пресыщенным, то распутство его было самым скотским и мерзким. Три часа кряду не меньше самых разнузданных бесчинств требовалось, чтобы сладострастие начало щекотать его нервы. Что же касается излияния спермы, то хотя это случалось с ним чаще, чем восстание плоти – раз в

день обязательно, – но было довольно скудным и вызывать его можно было при помощи столь странных и часто очень жестоких и грязных ухищрений, что исполнители часто отказывались от исполнения; это приводило президента в состояние бешенства, иной раз приводившего к желанному результату лучше, чем все усилия. Кюрваль настолько погряз в тряпине разврата и всяческих непотребств, что уже не мог изъясняться пристойными словами; что на уме, что на языке у него была грязь, и самые скверные ругательства у него перемежались ужасающими проклятиями и богохульством. Эта распущенность в мыслях, усиленная к тому же беспробудным пьянством, к которому он особенно пристрастился в последние годы, привела к тому, что он производил впечатление человека, опустившегося на самое дно, что, кстати говоря, его вполне устраивало и радовало.

Рожденный чревоугодником и пьяницей, он один был в состоянии не отставать здесь от герцога, и в ходе нашего повествования мы еще увидим немало примеров, удививших самых завзятых обжор.

Вот уже десять лет Кюрваль не исправлял должность президента суда не только потому, что был уже не в состоянии; думаю, если бы он и мог еще что-то делать, его бы упростили никогда больше не утруждать себя.

Кюрваль вел жизнь истинного либертина; был близко знаком с любыми отступлениями от правил; люди, знавшие его хорошо, подозревали, что в основе его огромного состояния лежат два или три отвратительных убийства. Как бы то ни было, судя по тому, что произойдет в дальнейшем, именно этот вид отклонений от правил его возбуждал в высшей степени; такое преступление, сведения о котором были мало кому известны, привели к его удалению из Палаты.

Сейчас мы поведаем об этой истории, чтобы читатель окончательно уяснил себе нрав Кюрваля.

По соседству с домом проживал бедный ломовой извозчик, отец прелестной девочки, который был настолько смешон, что обладал возвышенными чувствами. Уже раз двадцать к нему и его жене обращались с предложениями за большие деньги уступить девочку, но родители упорно отказывались. Тогда Кюрваль, отправитель этих посланцев, которого отказы только возбуждали, не зная, как заполучить девочку в свою постель, решил, что проще всего избавиться от бедняги. План был так же хорошо продуман, как хорошо и выполнен. Два или три мошенника, нанятых президентом, занялись этим, и не прошло и месяца, как бедняга был обвинен в преступлении, которого никогда не совершал и которое прямехонько привело его в Консьержери. Президент, как вы можете легко сообразить, сразу принял это дело и, так как он не был заинтересован в проволочках, то благодаря мошенничеству Кюрваля и его деньгам несчастный в три дня был приговорен к колесованию, хотя ни одного преступления в своей жизни не совершил и только хотел уберечь честь свою и дочери. Между тем домогательства возобновились. Призвали мать девочки и представили ей, что она – единственная, кто может спасти мужа, если согласится на предложение президента. Несчастливая обратилась за советом – к кому, вы догадываетесь; ответ был: медлить нельзя. Злосчастная мать, плача, сама привела дочку к ногам судьи; он обещал все, ни в малейшей степени не собираясь сдерживать свои обещания. Он не только опасался, что в случае освобождения муж узнает, какой ценой оплачена его жизнь, но злодею было особенно сладко получить обещанное, не выполнив обещания. В этом эпизоде злодейств Кюрваль позволил себе соединить наивысшую пикантность с наивысшим вероломством.

Его дом находился напротив того места в Париже, где совершались казни; так как мнимое преступление учинено было якобы в этом квартале, то и казнь должна была происходить как раз там. В назначенное время Кюрвалю привели жену и дочь несчастного. Негодяй, знавший о часе казни, выбрал этот момент, чтобы обесчестить дочь в объятиях матери, и все устроил с такой предусмотрительностью, что излился в зад девочки в ту самую минуту, когда

ее отец испустил дух. Как только дело было сделано, он закричал: «А теперь взгляните, как я сдержал свое обещание!» И открыл окно. Когда несчастные увидели своего мужа и отца истекающим кровью под сталью палача, обе лишились чувств. Но Кюрваль все предвидел; обморок стал их агонией: обе были отравлены и навеки смежили очи.

Хотя он принял меры предосторожности, чтобы навсегда скрыть эту историю, кое-что все же просочилось наружу. О смерти женщин не узнал никто, но в деле мужа заподозрили злоупотребление по должности. Мотив преступления был наполовину известен, и отставка президента была решена.

С этого момента Кюрваль, которому не надо было больше соблюдать внешних приличий, погрузился в пучину разврата и преступлений. В угоду своим извращенным вкусам он выискивал жертвы повсюду. Из особо утонченной жестокости и в виду легкой доступности он предпочитал обращать свое внимание на людей, обделенных судьбою. Множество женщин, ютящихся на чердаках и в убогих лачугах, отмеченных самой жалкой нищетой, заманивал он к себе под предлогом оказания помощи и отравлял их – это было его излюбленное развлечение. Или он приносил их в жертвы своим извращенным вкусам, собственноручно пытая их до смерти. Мужчины, женщины, дети – все годились для удовлетворения его бешеной страсти. Тысячу раз эти преступления могли стоить ему головы, и тысячу раз его влияние и деньги спасали его. Легко себе представить, что этот изверг был не более религиозен, чем его сотоварищи; он ненавидел религию столь же сильно, но сделал нечто большее для искоренения ее в людских сердцах: несколько его антирелигиозных сочинений наделали в свое время много шума, и он до сих пор гордился этим успехом, и воспоминания о нем тешили его не меньше, чем радости сладострастия.

Увеличим же число наших любителей наслаждений.

ДЮРСЕ было пятьдесят три года, он был мал ростом, толст и коренаст, лицо имел миловидное и свежее, кожу очень белую; все тело, особенно бедра и ягодицы, у него было как у женщины; задница свежая, крепкая и пухленькая, но с ярко выраженной привычкой к содомии; его инструмент любви был удивительно маленьким, с трудом достигал двух дюймов в толщину и четырех в длину; извержения семени были у него редки, мучительны и малообильны, им предшествовали спазмы, которые приводили его в бешенство и толкали на преступления; грудь у него тоже походила на женскую, голос был нежный и приятный. В обществе он слыл порядочным человеком, хотя душа его была не менее черна, чем у его приятелей. Дюрсе был школьным товарищем герцога, в юности они ежедневно вместе забавлялись, и одним из любимых занятий Дюрсе было щекотать свой задний проход огромным членом герцога.

Таковы, читатель мой, все четыре развратника, вместе с которыми ты, с моей помощью, проведешь несколько месяцев. Я тебе их описал, стараясь, чтобы ты их немного узнал и чтобы тебя не удивляло то, о чем ты дальше прочитаешь. Я не стал входить в некоторые подробности их пристрастий: это могло бы отвратить тебя от произведения в целом. Но по мере развития рассказа ты будешь следить за ними со вниманием, разберешься в мелких греховных проказах и той могучей маниакальной страсти, которой каждый из них был отмечен наособицу. Что можно сказать о них вместе и о каждом в отдельности, так это то, что все четверо были приверженцами содомии, и все четверо поклонялись заду. Герцог, однако, по причине величины своего органа, скорее из жестокости, чем из страсти, с не меньшим удовольствием использовал дам и спереди. Президент тоже, но редко; что же касается епископа, то он к этой части женского тела испытывал отвращение столь сильное, что одно лишь зрелище этого могло обессилить его чуть ли не на полгода. Лишь один раз в жизни он имел совокупление со своей невесткой, да и то ради рождения ребенка, который позже мог доставить ему наслаждение кровосмесительной связи, – мы уже видели, как он преуспел в

этом. Что касается Дюрсе, то он обожал зады не менее епископа, но пользовался ими более умеренно. Его предпочтением пользовался третий храм. Продолжение рассказа разоблачит нам и эту тайну.

Закончим портреты вдохновителей этого дела и дадим читателям представление о супругах почтенных мужей.

Какой контраст!

КОНСТАНЦИЯ, жена герцога и дочь Дюрсе, была высокой и стройной женщиной, сложенной так, словно три Грации потрудились над ней. Изящество ее ничуть не умаляло ее свежести, формы ее были округлы, но без всякой пухлоты, кожа белее лилии, и казалось, что сам Амур создал ее с особым старанием. Несколько удлиненное, с чрезвычайно благородными чертами лица, более величественности и властности, чем приветливости и лукавства. Ее глаза были большими, черными и полными огня; рот маленький: в нем можно было увидеть великолепные зубы и маленький узкий ярко-алый язык; дыхание было нежнее запаха розы. Груды округлы, высоки, белоснежны и крепки, как алебастр; бедра изумительного изгиба переходили в зад, изящный так томно и тонко, что Природа, казалось, не скоро создаст что-либо совершеннее. Ягодицы были белые, крепкие и нежные, и между ними отверстие, восхитительно чистое, милое и даже источающее аромат розы. Какой очаровательный приют для самых нежных услад! Но, боже мой, как недолго сохранились эти прелести. Четыре или пять «приступов» герцога совершенно растерзали эту красоту, и Констанция после замужества уже напоминала прекрасную лилию, сорванную бурей со своего стебелька. Два бедра, округлых и великолепно отлитых, обрамляли другой храм, настолько привлекательный, что мое перо тщетно ищет слова, чтобы его воспеть. Констанция была наполовину девственницей, когда герцог женился на ней; ее отец, как мы об этом говорили, единственный мужчина, которого она знала до мужа, позволил ей остаться нетронутой с этой стороны. Прекрасные черные волосы волнами падали ей на спину, струились по ее телу, закрывая ее всю, вплоть до влекущего женского органа, прикрытого сверху волосами того же цвета – еще одного украшения, завершающего этот ангельский облик.

Ей было двадцать два года, и она обладала всем очарованием, каким только природа могла наделить женщину. Все эти очарования соединялись в Констанции с рассудительностью, приятным обхождением и умом, слишком возвышенным для той роли, которую предназначила ей судьба, ибо она сознавала весь ужас своего положения. Она, конечно, была бы счастливее, окажись менее тонкой и чувствительной. Дюрсе, воспитавший ее скорее как куртизанку, чем как свою дочь, и который больше заботился об ее уме, чем о нравственности, все же не мог искоренить в ее душе принципы порядочности и добродетели. Религиозного образования она не получила; о религии с ней никогда не говорили, никогда не докучали религиозными церемониями, и все-таки в ней сохранилась та стыдливость, та прирожденная скромность, не зависящая от религиозных бредней и трудно истребимая в душе порядочной и чувствительной. Она никогда не покидала дома отца, а тот уже в двенадцать лет заставил ее служить удовлетворению порочных инстинктов. Но в том, как повел себя с ней герцог, она обнаружила разительное отличие. Уже на другой день после того, как герцог лишил ее девственности по-содомски, она тяжело заболела. Опасались даже разрыва прямой кишки. Молодость, здоровье и тропические травы вскоре позволили герцогу снова следовать этим запретным путем, и бедная Констанция смирилась с ежедневной, но, впрочем, не единственной пыткой; постепенно она, однако, привыкла ко всему.

АДЕЛАИДА, жена Дюрсе и дочь президента, была красавицей, может быть, еще более совершенной, чем Констанция, но совсем в другом роде. Ей было двадцать лет. Маленького роста, хрупкая, нежная и деликатная, с великолепными золотистыми волосами; участ-

ливість и мягкосердечие, сквозившие во всем ее облике и прежде всего в чертах лица, придавали ей сходство с героиней какого-нибудь чувствительного романа. У нее были огромные голубые глаза, выразившие разом и нежность, и сдержанность. Высокие тонкие брови, причудливо очерченные, окаймляли невысокий, но благородный лоб, казавшийся храмом целомудрия; нос с горбинкой, немного напоминающий орлиный, тонкие яркие губы; рот был немного великоват: пожалуй, единственный недостаток ее небесной внешности. Когда рот приоткрывался, можно было видеть тридцать две жемчужины зубов, которые природа, казалось, поместила среди роз. Шея была несколько длинновата, но странным образом это делало ее еще привлекательней; Аделаида имела манеру чуть наклонять голову к правому плечу, особенно когда слушала кого-нибудь. И сколько же грации было в этом заинтересованном внимании! Груды были маленькими и округлыми, очень крепкими и упругими, и могли уместиться в одной ладони, два яблочка, которые Амур, играя, принес из сада своей матери. Кожа на груди была нежна, живот гладкий, как атлас; маленький пригорок внизу живота, обильно покрытый светлым пушком, служил перистилем храма, освященного, казалось, самой Венерой. Тесным был вход в этот храм, даже проникновение пальца вызвало бы крик боли; тем не менее, десять лет назад благодаря президенту бедное дитя потеряло невинность и в этом храме, и в том, к описанию которого мы приступаем. Сколь же привлекателен был этот второй храм, какие красивые линии бедер и низа спины, какие восхитительные нежно-розовые ягодицы! Все здесь было на редкость миниатюрно. Во всех своих очертаниях Аделаида была скорее эскизом, чем моделью красоты. Природа, столь величественно проявившаяся в Констанции, здесь, казалось, лишь слегка наметила контуры. Раздвиньте этот нежный задик, и вам откроется бутон самый свежий и самый алый из тех, что может предложить природа. Но как узок и чувствителен вход! Президенту потребовалось немало усилий, чтобы войти туда, и он преуспел лишь после двух или трех попыток. Дюрсе, менее требовательный, надоедал ей гораздо реже, но с тех пор, как она стала его женой, скольким жестоким и опасным для здоровья экзекуциям подвергался этот маленький проход! Впрочем, даже если Дюрсе ее шадил, она, предоставленная по договору в полное распоряжение всех четырех развратников, должна была выдержать еще много свирепых натисков. Аделаида обладала характером, соответствующим ее внешности: иначе говоря, была натурой весьма романтической. Она предпочитала для прогулок уединенные уголки и там в одиночестве проливала невольные слезы, рожденные смутным предчувствием, которое никто не мог бы объяснить толком. Недавно она потеряла обожаемую подругу, и эта утрата являлась без конца ее воображению. Хорошо зная своего отца и его порочные наклонности, она была уверена по многим признакам, что ее подруга стала жертвой насилия президента.

Что касается религии, то здесь президент не принял мер по примеру Дюрсе с Констанцией, поскольку был совершенно уверен, что его речи и книги навсегда отвратили дочь от религии. И ошибся: религия стала неотъемлемой частью души Аделаиды. Президент мог сколько угодно поучать ее и заставлять читать его книги – она оставалась набожной; все извращения, которые она всей душой ненавидела и жертвой которых была, не могли отвратить ее от религии, составляющей всю радость ее жизни. Она пряталась, чтобы молиться и совершать религиозные обряды, за что бывала сурово наказана как отцом, так и мужем, когда они ее заставляли. Аделаида стоически переносила свои страдания, глубоко убежденная, что будет вознаграждена в ином мире. Ее характер был мягким и кротким, а попытки благотворительности доводили ее отца до бешенства. Презируя класс бедняков, Кюрваль стремился еще больше его унижить или найти в его среде жертв; его великодушная дочь, напротив, готова была все отдать несчастным, часто тайком вручала им свои деньги, выданные ей на мелкие расходы. Дюрсе и президент без конца бранили и отчитывали ее за это и, в конце концов, лишили абсолютно всех средств. Аделаида, не имея больше ничего предложить беднякам, кроме слез, горько плакала по поводу совершаемых злодеяний, бессильная

что-либо исправить, но по-прежнему милосердная и добродетельная. Однажды она узнала, что некая женщина, понуждаемая страшной нищетой, собирается за деньги принести свою дочь в жертву президенту. Президент уже начал готовиться к процедуре столь любимого им наслаждения. И тут Аделаида продала одно из своих платьев и вырученные деньги отдала матери девочки, отговорив ее от преступления, которое та едва не совершила. Узнав об этом, президент (его дочь еще не была замужем) наказал ее столь жестоко, что она две недели пролежала в постели. Но даже подобные меры не могли остановить благородных порывов этой возвышенной души.

ЮЛИЯ, жена президента и старшая дочь герцога, могла бы затмить первых двух женщин, если бы не существенный, на взгляд многих людей, изъян, хотя именно он, может быть, и пробудил страсть Кюрваля, ведь причины, вызывающие страсть, часто непостижимы. Юлия была высокой и хорошо сложенной, хотя излишне полновата и рыхла, у нее были красивые каштановые волосы, белое дородное тело; женский орган – горячий и узкий, обещающий самые приятные удовольствия, красивые икры и прелестные лодыжки. А вот рот некрасивой формы с плохими зубами, притом она была чрезвычайно неопрятна, это касалось и всего тела в целом, и двух храмов любви – здесь она была достойной президента; повторяю, вряд ли кто другой, несмотря на всю привлекательность Юлии, смог бы выдержать ее нечистоплотность. Но Кюрваль был от нее в восторге: с этих зловонных уст он срывал цветы удовольствия, он приходил в исступление, целуя ее; что же касается нечистоплотности, то он был далек от того, чтобы упрекать ее за это, даже наоборот, его вполне устраивало, что она была в таком разладе с омовениями. К этим недостаткам Юлии добавлялись и другие, но менее неприятные: она была невоздержанна в еде, имела склонность к пьянству, добродетелью не отличалась, и я думаю, что, осмелюсь, она вполне могла бы торговать собой на улице. Воспитанная герцогом в забвении всех правил и принципов, она легко усвоила его философию. Как нередко бывает в разврате, женщина, обладающая теми же недостатками, что и мужчина, нравится ему меньше, чем та, что исполнена добродетели. Одна ведет себя как он, другая в ужасе от его поступков, – и вот именно этим она уже желанна и влечет к себе.

Герцог, имеющий, как мы помним, могучее сложение, с удовольствием пользовался своей дочерью, хотя ему пришлось дожидаться ее пятнадцатилетия, а потом (поскольку он хотел выдать ее замуж) принять меры к тому, чтобы не нанести ей слишком большой ущерб; так что, в конце концов, он был вынужден довольствоваться менее опасными удовольствиями, хотя и не менее утомительными для нее. Юлия мало выиграла, став женой президента, у которого, как мы помним, был огромный член, к тому же он был нечистоплотен, но и она сама была грязнулей, хотя эта грязь не шла ни в какое сравнение с той грязью порока, которой в высшей степени обладал ее драгоценный супруг.

АЛИНА, младшая сестра Юлии и в действительности дочь епископа, не была похожа на свою сестру ни характером, ни привычками, ни недостатками. Она была самая молоденькая из четырех: ей едва исполнилось восемнадцать. У нее была пикантная физиономия, свежая и задорная, вздернутый носик, карие глаза, полные живости и огня, прелестный рот, стройная талия, хотя несколько широковатая; она вообще была в теле, кожу имела несколько смуглую, но нежную и приятную, ягодицы весьма пышные и округлые: это место у нее было пределом мечтаний развратника. Женский орган красивый, покрытый темными волосами и расположенный несколько низко, что называют «по-английски», но узкий; когда ее представляли ассамблее, она была девственницей и оставалась ею к моменту нашего рассказа, – мы увидим, как разрушительны были первые опыты. Что касается заднего прохода, то едва ей исполнилось восемь лет, епископ начал им пользоваться ежедневно, но никакого вкуса к этим занятиям она не получила и, несмотря на свой шаловливый и возбуждающий муж-

чин вид, не испытывала ни малейшего удовольствия от тех забав, жертвой которых становилась ежедневно. Епископ мало заботился о ее образовании. Она едва научилась читать и писать. О религии она вообще не имела никакого понятия и оставалась ребенком во всем: продолжала играть в куклы, смешно отвечала на вопросы, нежно любила свою сестру. Епископа она ненавидела, а герцога боялась как огня. В день свадьбы, оказавшись голой среди четырех мужчин, она заплакала, но выполнила все, что от нее потребовали – без всякого удовольствия.

Она была очень чистоплотной и трезвенницей. Ее единственным недостатком была лень. В ее поведении, облике, во всех ее поступках чувствовалась небрежность. Президента она ненавидела не меньше, чем своего дядю, и только Дюрсе, который тоже с ней не церемонился, был единственным, к кому она не питала отвращения.

Таковы восемь главных персонажей, с которыми вам придется сжиться, дорогой читатель. Пришло время снять покров с предмета тех причудливых и предложенных нам наслаждений.

Истинными распутниками уже признано, что ощущения, воспринимаемые органами слуха, принадлежат к числу дающих самые живые впечатления. Наши четыре развратника, пожелавшие вкусить порок во всей полноте и глубине, придавали слуховым ощущениям особое значение. Вот почему и зашла речь о том, чтобы освоить все способы сладострастия и все возможные его разновидности и оттенки, словом, о самом глубоком постижении самого языка порока. Трудно даже себе представить, до какой степени человек способен разнообразить порок, когда его воображение воспламеняется! И тот, кто смог запечатлеть во всех деталях и во всем разнообразии способы достижения сладострастных ощущений, создал бы одну из самых прекрасных и, может быть, самых захватывающих книг на свете. Потребовалось бы собрать воедино все эти сюжеты, проанализировать их, классифицировать и превратить в живой рассказ.

Такая попытка и была проделана. После бесчисленных консультаций и долгих поисков были, наконец, найдены четыре женщины, уже в возрасте (наличие опыта было главным условием при отборе кандидатур), чья жизнь прошла в самом разнузданном разврате, в котором им и предстояло отчитаться. Чтобы соответствовать требованиям отбора, они должны были, кроме всего прочего, обладать красноречием и определенной гибкостью ума. Каждая из них должна была рассказать о самых причудливых проявлениях порока, какие она только встречала в своей жизни, причем в такой последовательности, что первая из них поведаст о ста пятидесяти самых простых и обычных удовольствиях, вторая опишет такое же количество страстей более изощренных, связанных с одним или несколькими мужчинами или женщинами. Третья расскажет о ста пятидесяти самых преступных эпизодах, участники которых преступили все законы общества, природы, запреты церкви. Все эти истории приведут к преступлениям, а совершаемые в пороке преступления необыкновенно варьируются; этих историй тоже будет сто пятьдесят. Четвертая присоединит к событиям своей жизни рассказ о ста пятидесяти различных пытках. В течение всего необходимого для рассказа времени наши герои, окруженные, как я уже выше говорил, своими женами и другими персонами обоих полов, будут слушать, воспламеняться и с помощью женщин или других субъектов гасить пожар, рассказчицами зажженный. Может быть, самым сладострастным в этом проекте будет сам дух спектакля и манера, в которой все это будет происходить. Эта манера и сами рассказы будут формировать наше произведение, которое я заранее не советую читать набожным и слабонервным людям, чтобы не быть скандализированными, поскольку само собой очевидно, что наш план не слишком целомудрен.

Так как четыре актрисы, о которых идет речь, играют в настоящей повести очень важную роль, просим еще раз прощения у читателя за то, что мы вынуждены и их обрисовать.

Они будут действовать в своих рассказах – так можно ли их не описать? Не ожидайте от нас портретов особенной красоты, воспевающих их физические и нравственные качества. В данном случае главную роль играют не привлекательность или возраст, а ум и опыт, и в этом смысле услуги их оказались неоценимыми.

МАДАМ ДЮКЛЮ – так звали ту, которая опишет нам сто пятьдесят простых страстей. Это была женщина сорока восьми лет, хорошо сохранившая былую красоту, с прекрасными глазами, белой кожей, красивым и пышным задом, свежим ртом, прекрасной грудью и роскошными темными волосами, с полной, но высокой талией и манерами девицы из хорошей семьи. Как мы дальше увидим, она провела жизнь в местах, которые смогла хорошо изучить и которые описала с умом и непринужденностью, легко и заинтересованно.

МАДАМ ШАМВИЛЬ была высокой женщиной пятидесяти лет, хорошо сложенной, худой, сладострастие сквозило и во взгляде, и в наклонностях. Безусловная подражательница Сафо, выказывающая это в каждом жесте, в каждом словечке. Не будь этого пристрастия, которому она пожертвовала все, что заработала своим ремеслом, она бы жила, ничем себя не стесняя. Ремесло же ее заключалось в том, что долгое время она была публичной девкой, а в последние несколько лет освоила профессию сводни. Но сводни с разбором: в круг ее клиентов входили лишь распутники в летах, молодежь она никогда не допускала: эта предосторожность оказалась весьма прибыльна, и мадам Шамвиль сумела несколько поправить свои дела.

В ее белокурых волосах уже пробивалась седина, но голубые глаза были все еще живы и выразительны. Хорошо сохранившаяся грудь, выступающий вперед низ живота, клитор в момент возбуждения вырастал до трех дюймов, и она умирала от наслаждения, когда ей щекотали клитор, особенно если это делала женщина. Зад дряблый, помятый и от злоупотребления ее привычками, о которых мы еще будем иметь случай рассказать, потерявший всякую чувствительность, с задом Шамвиль можно было делать все, что угодно.

Что удивительно вообще, и особенно удивительно для Парижа, она была по этой части девственна, подобно только что выпущенной из монастырского пансиона благонравной девице. Если не считать поверхности зада, которой во все тяжкие пользовались обладатели экстравагантных удовольствий, не желавшие проникнуть меж ягодич, а довольствующися лишь внешней поверхностью этих полушарий, то Шамвиль так и осталась девственной сзади.

МАРТЕН – толстая мамаша пятидесяти двух лет, довольно свежая и здоровая, наделенная ягодичами, мощь и величие которых трудно превзойти, предлагала удовольствия прямо противоположные. Всю жизнь провела она среди содомитов и так пообвыкла, что только о таких удовольствиях и думала. Ошибка природы, перегородившая к ней вход спереди, заставила ее познавать все радости любви только сзади. Зато она принимала всех без разбора, самые чудовищные мужские орудия не могли ее испугать, она даже предпочитала их более скромным. Ее воспоминания о сражениях под знаменем Содома будут для нас особенно ценными. Черты ее лица были не лишены приятности, но в них уже чувствовалась усталость, и только дородность мешала ей выглядеть совсем увядшей.

В ДЕГРАНЖ соединились воедино преступление и сластолюбие. Она была высокая и худая, пятидесяти шести лет. Лицо ее было бледным и испитым, глаза погасшими, губы мертвыми. Она сама была похожа на преступление, кровавое и жестокое. Некогда она была брюнеткой, и даже хорошо сложена, но сейчас была похожа на скелет, вызывающий лишь отвращение. Ее зад, многими трудами изнуренный, многими отметинами испещренный, истрепанный, изорванный, был покрыт, казалось, не человеческой кожей, а исписанной вдоль и поперек гербовой бумагой. Дыра в нем была столь огромной, что им могли поль-

зоваться любые, самые тяжелые пушки, и это сделало его в конце концов совсем бесчувственным. Чтобы закончить портрет, скажем, что эта воительница, пострадавшая во многих схватках, была без одной груди и трех пальцев, у нее также не было одного глаза и шести зубов; к тому же она хромала. Мы узнаем, может быть, почему она так пострадала. Ничто не могло ее исправить, и если тело ее было безобразным, то душа была средоточием пороков и неслыханных мерзостей. Не было, наверное, такого преступления, которое она бы не совершила: она убивала и грабила, насильничала и отравляла, за ней были грехи отцеубийства и кровосмесительства. В настоящий момент она содержала публичный дом, была одной из признанных всем обществом сводниц и поскольку ее богатый опыт сочетался с весьма своеобразным жаргоном, она и была приглашена на роль четвертой рассказчицы, той, в чьих рассказах ожидалось больше всего ужасов. Кто бы лучше нее, все пережившей на собственном опыте, мог справиться с этой ролью?

Теперь женщины найдены, и найдены именно такие, каких хотели найти. Пришла пора заняться менее важными персонажами.

Поначалу желательно было окружить себя возможно большим числом предметов сластолюбия. Но приняв в расчет, что единственным удобным для этих развлечений местом может послужить тот самый уединенный замок Дюрсе в Швейцарии, где он провернул дельце с крошкой Эльвирой, а в этом не столь уж обширном замке не разместить такое огромное количество обитателей, да и угроза, что кто-либо из этого множества поспособствует ненужной огласке, положили ограничиться тридцатью двумя персонами, включая, разумеется, четырех подобранных рассказчиц: восемь мальчиков, восемь девочек, восемь молодых людей постарше с детородными органами такой величины, что они смогли бы порадовать господ в утехх Содома, да еще четыре прислужницы. Но все эти предметы должны были быть отысканы; целый год ушел на эти поиски, немалые суммы были на эти поиски израсходованы, и вот какие меры потребовались, чтобы добыть самый сладкий товар, какой может предложить Франция.

Шестнадцать сметливых сводниц, каждая с двумя помощницами, были отправлены в шестнадцать главных провинций Франции, тогда как семнадцатая трудилась в самом Париже. Ровно через десять месяцев все они должны были в указанное время приехать в поместье герцога под Парижем и привезти с собой каждая по девять девушек. Вместе это должно было составить сто сорок четыре девушки, из которых надо было отобрать восемь. Сводницам рекомендовалось при отборе обращать внимание только на благородство происхождения, целомудрие и красоту. Розыск надо было вести в домах знати или в монастырях высшего разряда, где воспитывались девочки из благородных семей. Девицы из мещанского и крестьянского сословий в расчет не брались. За действиями сводниц следили особые соглядатаи, обо всем докладывающие обществу. За каждую девицу своднице платили по тридцать тысяч франков, все расходы оплачивались, так что стоило это неслыханно дорого. Возраст был определен от двенадцати до пятнадцати лет – от тех, кто ему не соответствовал, отказывались сразу.

В это же время на тех же условиях отбирали мальчиков. Возраст был тот же: от двенадцати до пятнадцати. Семнадцать сводников-содомитов рыскали по столице и провинции в поисках нужных предметов, их встреча была назначена через месяц после сбора девушек. Для молодых же людей, которых мы условились впредь именовать прочищалами, определяющим был размер мужского органа; он должен был иметь в длину от десяти до двенадцати дюймов, а в толщину семь с половиной. Восемь прочищал отбирались по всему королевству, и встреча с ними была намечена через месяц после отбора юношей.

Хотя история этих отборов и встреч – не тема нашего повествования, все же уместно сказать несколько слов по этому поводу, чтобы в полной мере оценить творческий гений

четырёх наших героев. Мне кажется, что все, что дает дополнительные штрихи к этой удивительной истории, не может быть отброшено в сторону как не заслуживающее внимания.

Пришло время для встречи девочек. Кто-то из сводниц не привез намеченных девяти, кого-то потеряли по дороге, кто-то заболел, так или иначе, в имение герцога доставили сто тридцать девушек. И каких восхитительных, Бог мой! Наверное, никогда еще не собиралось вместе столько красавиц! Отбор занял тринадцать дней. Ежедневно экзамен проходил десяток девушек. Четыре ценителя образовывали круг, в середине которого оказывалась девица – сначала одетая в то платье, в котором ее похитили. Сводница докладывала историю вопроса: если чего-то не хватало в табели о происхождении или целомудрие было под вопросом, девушку немедленно отсылали обратно без провожатых и какой-либо помощи, а сводня лишалась своего гонорара. После аттестации сводницы ее отсылали, а у девушки спрашивали, правда ли то, что рассказала сводня. Если все было правдой, сводня возвращалась и поднимала девушке сзади подол платья, чтобы продемонстрировать ассамблее ее ягодицы. Это была первая часть тела, которую желали осмотреть. Малейший недостаток здесь – и девицу тут же отправляют восвояси. Если же, напротив, в этом храме очарования все было в порядке, девушку просили раздеться донага, и в таком виде она пять или шесть раз проходила перед нашими развратниками. Ее поворачивали и разворачивали, отодвигали и придвигали, проверяли состояние ее девственности, но все это хладнокровно и методично, как на настоящем экзамене. После этого девочку уводили, а на билете с ее именем экзаменаторы помечали «принята» или «отправлена обратно». Эти билеты помещали в ящик. Когда экзамен заканчивался, ящик открывали. Чтобы девочка была принята, необходимо было, чтобы на билете с ее именем оказались подписи всех четырех экзаменаторов. Если хотя бы одной не хватало, девушку не принимали и возвращали домой пешком, без помощи и сопровождения (за исключением последних двенадцати, с которыми четверо друзей позабылись после экзамена и которых затем уступили сводницам). После первого тура было исключено пятьдесят кандидатур, семьдесят оставшихся начали осматривать более тщательно, малейший недостаток служил поводом для отказа. Одну прекрасную как день девушку отправили домой только потому, что верхний зуб у нее чуть-чуть выступал вперед. Еще двадцати отказали, так как они были не дворянского происхождения. После второго тура осталось пятьдесят девушек. На третьем экзамене, еще более тщательном, каждый из четырех был окружен группой из двенадцати-тринадцати девушек во главе со сводницей; группы переходили от одного ценителя к другому, а те старались держать себя в руках, подавляя возникшее возбуждение, так как желали казаться беспристрастными. В результате осталось двадцать, и все одна другой красивее, но надо было отобрать только восемь. Уже невозможно было отыскать изъяны у этих небесных созданий. И все-таки при равных шансах по красоте необходимо было найти у восьми девушек какое-то преимущество перед двенадцатью остальными. Это доверили президенту как наиболее изобретательному. Он решил проверить, кто из девушек лучше всего создан для того занятия, которым он любил заниматься больше всего на свете. Четыре дня понадобилось для решения этого вопроса; в результате двенадцать были отсеяны, но не так, как предыдущие: с ними забавлялись восемь дней самыми разными способами. А потом их всех уступили сводням, что вскоре сводниц обогатило: не часто в борделях встречаются проститутки столь изысканного происхождения. Что касается восьми отобранных девушек, то их отправили в монастырь, чтобы сохранить для будущих удовольствий, время которым еще не пришло.

Я не решаюсь описать вам этих красавиц. Все они так хороши, что мое перо просто бессильно это сделать из боязни показаться монотонным. Довольствуюсь тем, что назову каждую из них. Перед таким скоплением очарования, грации и всех совершенств я могу только заметить, что природа не могла бы создать лучших моделей.

Первая звалась ОГЮСТИНА: ей было пятнадцать лет, она была дочерью некоего барона из Лангедока, ее похитили из монастыря в Монпелье.

Вторая звалась ФАНИИ: она была дочерью советника в парламенте Бретани и была похищена из замка своего отца.

Третью звали ЗЕЛЬМИРА: ей было пятнадцать лет, и она была дочерью обожавшего ее графа де Тервиля. Он взял ее с собой на охоту в одно из своих поместий в Босе. Ее похитили, выследив, когда она на несколько минут осталась в лесу одна. Она была единственной дочерью своего отца и в будущем году должна была выйти замуж за знатного сеньора, имея приданое в 400 тысяч франков. Она особенно рыдала от горя и ужаса, оплакивая свою судьбу.

Четвертую звали СОФИ: ей было четырнадцать лет, она была дочкой богатого дворянина, живущего в своем поместье в Берри. Ее похитили, когда она гуляла со своей матерью, мать пыталась ее защитить, была сброшена в реку и утонула на глазах у дочери.

Пятую звали КОЛОМБА: она была из Парижа. Ей было тринадцать лет, ее схватили по дороге с детского бала в монастырь, куда ее сопровождала гувернантка, гувернантку убили.

Шестую звали ЭБЕ: ей было двенадцать, она была дочерью капитана кавалерии, аристократа, живущего в Орлеане. Девочку соблазнили и похитили из монастыря с помощью двух монашек, которым хорошо заплатили. Она была прехорошенькая, трудно было найти существо более очаровательное.

Седьмую звали РОЗЕТТА: ей было тринадцать лет, она была дочерью генерал-лейтенанта из Шалон-сюр-Сон. Ее отец только что умер, а ее увезли из поместья на глазах у ее матери.

Последнюю звали МИМИ или МИШЕТТА: ей было двенадцать лет, она была дочерью маркиза де Сенанж и была увезена из поместья своего отца в Бурбоннэ, когда каталась в коляске, в которой ей разрешалось кататься только в сопровождении двух или трех женщин из замка; все они были убиты.

Как можно видеть, вся подготовка удовольствий сластолюбцев совершалась ценой больших денег и больших преступлений. У таких людей, как наши герои, сокровища обесценивались, что же касается преступлений, они жили в том веке, когда преступления совершались без конца, правда, и наказывались тоже, поскольку за преступлением следует наказание. Однако большие деньги помогают все устроить и уладить настолько удачно, что наши развратники ничуть не беспокоились по поводу последствий, которые могли бы иметь подобные похищения; им в голову не приходило, что их действия приведут к розыску.

Наступил момент экзамена и для мальчиков. Поскольку условия здесь были нетрудны, число испытуемых было большим. Сводники набрали сто пятьдесят мальчиков, и я не преувеличу, если скажу, что по красоте лица и детской грации они не уступали высокому классу девочек. За мальчика платили по тридцать тысяч франков каждому, как и за девочку, но сводники ничем не рисковали, так как эта дичь была деликатной и больше по вкусу нашим развратникам. Сводники знали, что здесь они не промахнутся в любом случае, поскольку те мальчики, которые не пройдут по конкурсу, все равно будут использованы для утех и оплачены.

Экзамен проходил так же, как и первый. Мальчиков представляли к осмотру по десять человек ежедневно, с предосторожностями, которыми пренебрегли в испытаниях девочек и которые теперь были весьма уместны. Говорю об опасениях, что еще до экзаменов кто-нибудь да разрядится при виде испытуемых. Хотели даже исключить из числа экзаменаторов президента, остерегаясь его извращенных вкусов; помнили, как нарушился ход девичьих экзаменов из-за его проклятой склонности ко всякого рода гнусностям и унижениям. Он пообещал быть стойким; воистину не без труда удалось бы ему сдержать свое слово, ибо натура человеческая, чье воображение окажется однажды пораженным каким-либо извращением, свыкается с такого рода оскорблениями благородного вкуса и самого естества,

оскорблениями столь для нее сладостными, что трудно вернуться ей на истинный путь: стремление отведать эти удовольствия лишает ее правильности суждений. Она презирает истинное благо и ищет только на пути зла, принимая отказ от этих путей как предательство своих принципов.

После первого экзамена было отобрано сто юношей. Пять раз кряду пришлось повторять экзамен, чтобы отобрать подходящих наиболее. Решили нарядить их в женские одежды: двадцать пять из них при этой уловке отсеялись тут же, поскольку одежда скрыла вожделенный аппарат любви, и все иллюзии пресыщенных экзаменаторов сразу же рассеялись. Но как трудно оказалось отобрать восьмерых из двадцати пяти оставшихся! Все было напрасно, испробовали даже писать имя на билете в момент извержения, испробовали и то, что оказалось успешно с девочками, но все двадцать пять оставались «избранными». Тогда решили бросать жребий. Вот имена восьми оставшихся; их возраст, происхождение, история. Что касается портретов, то я бессилён описать этих божественных ангелов – все мои слова здесь недостаточны.

ЗЕЛАМИРУ было тринадцать лет, он был единственным сыном дворянина из Пуату, который прекрасно воспитал его в своем поместье. Мальчика послали к родственнице в Пуатье в сопровождении слуги. Слугу убили, мальчика похитили.

КУПИДОНУ тоже было тринадцать. Сын дворянина, жившего в окрестностях города Ла-Флеш, он учился в этом городе. Мальчика выследили и похитили во время воскресной прогулки школьников. Это был самый красивый ученик в коллеже.

НАРЦИССУ было двенадцать лет. Он был сыном Мальтийского кавалера. Его похитили в Руане, где его отец получил почетную должность, соответствующую его высокому положению. Сын его должен был учиться в коллеже Людовика Великого в Париже. Его схватили по дороге.

ЗЕФИР, самый прелестный из восьми, был парижанин. Его необыкновенная красота упростила выбор. Он учился в знаменитом пансионе. Его отец был генералом и делал все возможное, чтобы отыскать сына, но безуспешно. Подкупили учителя пансиона за семь ливров, шесть из которых оказались новой чеканки. Зефир вскружил голову герцогу, сказавшему, что если за то, чтобы всадить в зад этому мальчишке потребуется даже миллион, он готов заплатить немедленно. Герцог оставил за собой право первым попользоваться этим мальчиком, и все согласились. О нежное, милое дитя, какая несоразмерность! Какая ужасная судьба тебе уготована!

СЕЛАДОН был сыном судьи из Нанси. Он был похищен в Люневиле, куда приехал в гости к своей тетке. Ему только что исполнилось четырнадцать. Он был единственный в группе, кого завлекла девушка его возраста. Маленькая плутовка прикинулась влюбленной и заманила его в ловушку.

АДОНИСУ было пятнадцать. Он был похищен из коллежа в Плесси. Его отец, президент Большой Палаты, напрасно жаловался, напрасно возмущался – все было предусмотрено, и он ничего больше не услышал о сыне. Кюрваль увидел Адониса в доме отца и два года сходил по нему с ума. Он лично выделил средства и дал необходимые указания, как захватить мальчика. Его приятели были даже удивлены таким верным выбором со стороны беспутного Кюрваля; тот, в свою очередь, был горд, доказав им, что способен проявить хороший вкус. Мальчик узнал его и заплакал, но президент успокоил его, сообщив, что лично лишит его невинности. Это трогательное сообщение он сопроводил похлопыванием своего огромного орудия по ягодицам мальчика. Президент выпросил его у ассамблеи для себя и без труда получил согласие.

ГИАЦИНТУ было четырнадцать лет. Он был сыном офицера, который служил в маленьком городке в Шампани. Его похитили во время охоты, которую он обожал. Отец имел неосторожность разрешить ему поехать в лес одному.

ЖИТОНУ было тринадцать лет. Его схватили в Версале, где он служил в пажах Конного Двора. Его отец, знатный нивернезец, определил сына на службу всего за полгода до этого. Похитили Житона очень просто, во время его одинокой прогулки в авеню Сен-Клу. Епископ влюбился в него, и епископу была предназначена невинность мальчика.

Таковы были мужские божества, которых наши развратники уготовили своему сладострастию. Мы увидим в свое время, каким образом это было проделано. Осталось сто сорок два субъекта, не попавших в число избранных. Но подобная дичь не залежится. Употребление нашлось для каждого. Целый месяц наши развратники наслаждались красивыми мальчиками, а затем придумали, как от них избавиться, еще при этом и заработав на них. Их продали турецкому корсару, тот принимал их на борт близ Монако, откуда небольшими группами вывозил и продавал в рабство. Ужасная судьба, но какое дело до них четверем развратникам!

Пришло время выбирать прочищал-содомитов. Выбравкой этого разряда не затруднились. Они были в разумном возрасте: те, с кем расставались, мирно отправились восвояси, получив возмещение дорожных расходов и плату за труды. Впрочем, восьмерым из этих тружеников пришлось не так уж и потрудиться: их размеры почти соответствовали условиям. Всего их прибыло пятьдесят. Среди двадцати самых крупных отобрали восемь наиболее молодых и миловидных. Мы опишем четырех из них, самых изрядных.

ЭРКЮЛЬ – скроенный поистине как бог, давший ему имя, был двадцати шести лет, обладал членом толщиной в восемь дюймов, а в длину – тринадцать. Трудно было найти подобный член, который всегда был в состоянии боевой готовности и способен к восьми извержениям за вечер. Ему устроили экзамен: набралась целая пинта спермы! Притом у него был покладистый нрав и приятная внешность.

АНТИНОЙ, названный в честь любовника Адриана, обладал, в придачу к самому красивому члену в мире, и самым сладострастным задом, такое сочетание встречается крайне редко. Его орудие было размером восемь на двенадцать дюймов. Ему было тридцать лет, и он к тому же был очень красив.

БРИЗ-КЮЛЬ имел такую причудливо искривленную погремущку, что не мог войти в зад, не разорвав его, отсюда и прозвище. Головка его жезла, похожая на сердце быка, была в толщину восемь дюймов и три линии, длина члена была всего восемь дюймов, но он был кривой – имел такой изгиб, что разрывал задний проход, когда входил туда; это его качество наши развратники ценили особо.

БАНД-О-СЪЕЛЬ был так назван потому, что, что бы ни случилось, эрекция у него сохранялась. Он был снабжен орудием длиной в одиннадцать дюймов и семь в толщину. Его предпочли обладателям более внушительных размеров, потому что те восстанавливались после извержения с трудом, а этот был снова готов, стоило только к нему прикоснуться.

Четверо других из этой восьмерки были примерно такого же роста и сложения. Что касается остальных сорока двух из пятидесяти, то наши герои развлекались с ними две недели, а когда насладились до отвала, отпустили домой, хорошо заплатив.

Осталось выбрать четырех служанок, и выбор этот оказался весьма живописным. Извращенным вкусом обладал отнюдь не один президент. Три его друга, особенно Дюрсе, в своем распутстве отличались прихотливостью, находя особую пикантность в старых, отвратительных и грязных женщинах и предпочитая их божественным созданиям природы.

Трудно объяснить эту фантазию, но она встречается у многих. Вероятно, дисгармония в природе несет в себе нечто такое, что воздействует на нервы с не меньшей силой, чем красота и гармоничность. Доказано даже, что в момент эрекции мужчину возбуждает все омерзительное и безобразное, а в ком еще всего этого в изобилии, как не в существе порочном?

Конечно, если во время сладострастного акта возбуждающе действуют именно безобразия, то вполне естественно: чем объект грязнее и порочнее, тем больше он должен нравиться. И именно его предпочтут существу безупречному и совершенному – в этом нет никакого сомнения! Впрочем, красота – явление простое и понятное, а уродство – нечто чрезвычайное, и извращенное воображение всегда предпочтет немислимое и чрезвычайное простому и обычному. Красота и свежесть задевают лишь элементарные чувства, уродство и деградация вызывают гораздо более сильное потрясение – и действие более возбуждающее. Поэтому не надо удивляться, что многие мужчины выбирают для наслаждения женщину старую и безобразную, а не свежую и красивую. Не надо удивляться тому, говорю я, если мужчина предпочитает для прогулок вздыбленную дорогу в горах монотонным тропинкам равнины. Все эти тонкости зависят от устройства наших органов, от того, как они действуют, мы не властны изменить свои вкусы, как не можем изменить строение своего тела.

Как бы то ни было, но таковы были, без сомнения, вкусы президента и трех его друзей, поскольку все они проявили единодушие при выборе служанок, выборе, который, как мы это увидим, выявил ту извращенность, о которой мы только что говорили.

Итак, в Париже после тщательных поисков были отобраны четыре создания, портреты которых вы увидите ниже. В их портретах есть кое-что весьма отталкивающее, но читатель позволит мне их нарисовать, поскольку это имеет значение для той картины нравов, изображение которых – одна из главных целей этого произведения.

Первую звали МАРИ. Она была служанкой у знаменитого разбойника, которого недавно четверговали, а ее подвергли бичеванию и клеймению. Ей было пятьдесят восемь лет, волос у нее почти не осталось, нос кривой, глаза тусклые и гноящиеся, в ее огромном рту сохранились все тридцать два зуба, но они были желты, как сера. Она была высокой и тощей; она родила четырнадцать детей и всех их задушила, чтобы они, как она объясняла, не пошли по дурному пути. Живот ее колыхался, как морские волны, а одна из ягодиц изъедена нарывами.

Вторую звали ЛУИЗОН. Ей было шестьдесят лет. Маленького роста, горбатая, хромяя и одноглазая, но зад был еще вполне хорош для ее возраста. Она была злой, как дьявол, и всегда готовой совершать гнусности и выполнять любые мерзкие поручения, о которых ее попросят.

ТЕРЕЗЕ было шестьдесят два года. Она была высокой и худой, похожей на скелет, и совершенно безволоса. Тошнотворное зловоние исходило из ее беззубого рта. Зад был испещрен шрамами от ран, а ягодицы были такие отвислые, что их можно было обернуть вокруг палки. Дыра в этом заду была похожа на кратер вулкана по своим размерам, а запахом напоминала отхожее место. Она сама говорила, что вообще никогда не подтирается, так что на нем, наверное, еще сохранилось дерьмо ее детства. Что касается влагалища, то это было вместилище всех нечистот, настоящий склеп, от зловония которого можно было упасть в обморок. Одна рука у нее была искривлена, и она припадала на одну ногу.

ФАНШОН звали четвертую. Шесть раз ее вешали «en effigie»¹. Не было, наверное, такого преступления на земле, которого бы она не совершила. Ей было шестьдесят девять лет, она была толстая коротышка с провалившимся носом, к тому же еще и косая. В ее зловонной пасти осталось только два зуба. Язвы покрывали ее зад, у заднего прохода образовались шишки величиной с кулак. Ужасный шанкр сожрал влагалище; одна ляжка была обожжена. Три четверти года она была пьяна, из-за пьянства у нее был большой желудок, ее то и дело рвало. Дыра ее зада, несмотря на геморроидное обрамление, была так велика, что она непрерывно выпускала ветры, даже этого не замечая.

¹ Особый вид наказания: казнят изображение (иногда куклу) преступника. – *Примеч. перев.*

Независимо от домашней службы в период намеченного спектакля эти четыре женщины должны были участвовать во всех собраниях и выполнять все услуги, которые от них потребуются.

Все нужные меры были приняты, а поскольку лето уже начиналось, то главными заботами стали перевозки всевозможной поклажи, которая должна была сделать пребывание в замке Дюрсе в течение четырех месяцев удобным и приятным. Туда перевозили множество мебели и зеркал, запасы провианта, вина и ликеры; туда отправляли рабочих, а понемногу и участников спектакля, которых принимал и размещал Дюрсе.

Теперь пришло время описать читателю знаменитый замок, где сладострастию будет принесено столько жертв в предстоящие четыре месяца. Место действия было выбрано со всей возможной тщательностью. Замок был совершенно удален от всех людных мест, и его уединенность и тишина вокруг служили могучими побудителями разврата. Мы опишем вам эту обитель не такой, какой она была изначально, а в ее нынешнем великолепии, о котором позаботились наши герои.

Попасть в замок было нелегко. Сначала надо было добраться до Базеля, затем пересечь Рейн. Здесь надо было выходить из экипажа, поскольку дальше дорога становилась труднопроходимой. Достигнув Шварцвальда, шли примерно пятнадцать лье по извилистой дороге, по которой без проводника пройти было невозможно. На этой высоте находился угрюмый поселок угольщиков и лесников – он принадлежал Дюрсе, и отсюда начинались его владения. Так как обитателями этого хутора были преимущественно воры и контрабандисты, Дюрсе без труда нашел среди них друзей и перво-наперво дал им строгие распоряжения не допускать кого бы то ни было к замку, начиная с первого ноября; именно к этому времени должно было собраться все общество. Дюрсе вооружил своих вассалов, дал им кое-какие льготы, и барьер был поставлен. В дальнейшем описании мы увидим, что эта надежно закрытая дверь сделала Силин, так назывался замок Дюрсе, недостижимым. Поселок заканчивался огромной ямой для сожжения угля, затем начинался крутой подъем, наверное, не менее высокий, чем на Сен-Бернар, но еще более трудный, так как на вершину горы можно было подняться только пешком. Не то чтобы мулы отказались идти, но со всех сторон была пропасть, и тропинка, по которой приходилось взбираться вверх, с каждым шагом становилась все опаснее. Уже шесть мулов, груженных провиантом и другой поклажей, а с ними и двое погонщиков сорвались вниз. Надо было затратить около пяти часов, чтобы достигнуть вершины. Но и на вершине, благодаря принятым предосторожностям, возникал новый барьер, который могли преодолеть только птицы. Этим странным капризом природы была трещина в тридцать туазов между северной и южной сторонами вершины, через которую невозможно было перебраться без искусной помощи. Вот почему, поднявшись на гору, нельзя было с нее спуститься. Дюрсе соединил эти две части расщелины, между которыми находилась глубокая пропасть, красивым деревянным мостом, который сразу был поднят, едва прошли последние гости. И с этого момента всякая связь замка Силин с внешним миром прекращалась. Потому что, спустившись с северной стороны, попадешь в долину протяженностью четыре арпана, которая, как ширмой, со всех сторон окружена отвесными горами с острыми вершинами, без малейшего просвета между ними. Этот проход, называвшийся «дорогой через мост», являлся единственным, с помощью которого можно спуститься вниз и иметь связь с долиной, но если мост разрушить, уж ни один человек на свете, каким бы способом он ни пользовался, не мог бы спуститься вниз. Итак, именно посередине этой небольшой долины, так хорошо защищенной и так плотно окруженной горами, и находился замок Дюрсе.

Замок окружала стена в тридцать футов высотой, а за стеной находился ров, наполненный водой, который защищал еще одну ограду, образующую круговую галерею. Потайной

ход из галереи, низкий и узкий, вел в большой внутренний двор замка, где находились жилые помещения. Они были просторны и прекрасно меблированы благодаря последним усилиям организаторов. Теперь я опишу сами апартаменты – не те, что были здесь прежде, а заново отделанные в соответствии с планом, который был задуман.

Из большой галереи на первом этаже попадаешь в очень красивую столовую, обставленную шкафами в форме башен. Сообщаясь с кухней, эти шкафы давали возможность гостям получать горячие блюда без помощи слуг. Салон был украшен дорогими коврами, балдахинами, оттоманками, великолепными креслами и всем тем, что могло его сделать уютным и приятным. Из столовой дверь вела в гостиную, простую, без вычурности, очень теплую и обставленную красивой мебелью. К гостиной примыкал зал собраний, предназначенный для выступлений рассказчиц. Это было, если можно так выразиться, главное поле битвы, центр ассамблеи порока, поэтому помещение было особенно тщательно декорировано, и его описание заслуживает особого внимания.

Зал имел форму полукруга. В его дугообразной части помещалось четыре широких зеркальных ниши, в каждой из которых был установлен великолепный турецкий диван. Все четыре ниши обращены были лицом к стене, диаметром разрезающей круг. В центре этой стены возвышался трон с четырьмя ступенями. Трон был предназначен для рассказчиц, а ниши – для четырех главных слушателей. Трон был расположен таким образом, чтобы каждое слово рассказчиц долетало по назначению. Зал напоминал театр: трон был сценой, а ниши – амфитеатром. На ступенях трона должны были находиться объекты разврата, привезенные для того, чтобы успокаивать возбуждение, вызванное рассказом. Эти ступени, как и сам трон, были покрыты коврами из черного с золотой бахромой бархата. Такие же ковры, но темно-синие с золотом, покрывали диваны в нишах. У подножия каждой ниши находилась дверца, ведущая в помещение уборной, предназначенное для того, чтобы приводить туда тех из сидящих на ступенях трона, которые возбуждают желание у слушателей рассказа, в случае, если господам не захочется воспользоваться ими прилюдно. Помещения под нишами были снабжены диванами и другой мебелью, необходимой для совершения разнообразных непристойных действий. С двух сторон трона находились колонны, упирающиеся в потолок. Эти две колонны были местом ожидания наказания для персоны, которая в чем-то провинилась. Все нужные инструменты пыток были выставлены тут же у колонны. Их зловещий вид создавал атмосферу подчинения – того подчинения, которое, как известно, придает пороку особое очарование. Зал ассамблеи сообщался с кабинетом, который, в свою очередь, примыкал к жилым помещениям. Этот кабинет был своего рода будуаром, глухим и тайным, очень теплым и сумрачным даже днем: он был предназначен для свирепых любовных баталий один на один или тайных грехов, которые мы изобразим позднее.

Чтобы попасть в другое крыло замка, надо было вернуться в галерею, в глубине которой виднелась красивая часовня. В параллельном крыле находилась башня, выходящая во внутренний двор. Красивая прихожая вела в четыре прекрасных апартамента, каждый из которых имел свой будуар и уборную. Красивые турецкие кровати, покрытые шелковыми покрывалами трех цветов, гармонировали с мебелью. Будуар предлагал все, что нужно для самой тонкой извращенности. Эти четыре апартамента были предназначены для наших четырех героев. Было условлено, что жены героев живут вместе с ними.

На втором этаже было такое же число квартир, но они были разделены иначе. В большой квартире было восемь альковов с восемью маленькими кроватями – здесь спали девушки. Рядом в двух небольших комнатах жили две служанки, которые за ними следили. Две нарядные комнаты были отданы двум рассказчицам. В квартире, подобной квартире девушек, с восемью альковами, разместили юношей. Рядом с ними – комнаты двух служанок, наблюдательниц за ними, и комнаты двух других рассказчиц. О комфортабельной комнате для прочищал тоже позаботились, хотя им придется редко спать в своих кроватях.

На первом этаже разместилась кухня, где стряпали три хороших повара, которым помогали три здоровые деревенские девушки. Их участие в «удовольствиях» не предполагалось. Одна из них отвечала за скот, который нагнали в замок в большом количестве. Никакой другой прислуги в замке не было. В галерее находилась маленькая христианская часовня. Узкая лестница в триста ступенек вела в подземелье. Там, за тремя железными дверями, в глубокой тайне хранились орудия пыток самых жестоких, варварских и утонченных в мире. И кругом – тишина и полная изоляция. Здесь можно было расправиться со своей жертвой совершенно безнаказанно. Хозяева были здесь у себя дома, Франция с ее законами – далеко. Кругом – непроходимые горы и леса. И только птицы могли узнать правду. Горе, сто раз горе наивным созданиям, оказавшимся в подобной изоляции от всего мира! На что они могли рассчитывать? На милость победителей? Но победители были лишены жалости, их привлекал только порок. Ни законы, ни религия не могли их остановить. Бог ведает, что будет там происходить; пока, чтобы не повредить рассказу, могу сказать лишь, что во время представления герцогу полной описи он трижды излил семя.

Наконец все было готово, все были размещены. Герцог, епископ, Кюрваль и их жены вместе с четырьмя прочищалами прибыли в замок 29 октября. Дюрсе, как мы уже говорили, его жена и первая группа участников прибыли раньше. Как только приехали последние, Дюрсе приказал разломать мост. Но это еще не все. Герцог, осмотрев окрестности, решил, что, поскольку провианта в замке в избытке и нет необходимости за чем-либо выезжать за его пределы, следует предотвратить опасность атаки снаружи и бегства изнутри. Посему он велел замуровать все двери, через которые проникали во двор, и вообще все возможные выходы, превратив замок в подобие осажденной крепости. Не осталось ни щелочки ни для врагов, ни для дезертиров. Теперь вообще было трудно определить, где раньше были двери.

Два последних оставшихся до ноября дня были отданы отдыху актеров, чтобы они появились на сцене свежими в момент открытия представления. Сами же четыре друга использовали это время для составления правил, которым все участники должны были подчиняться безоговорочно. Подписав их, они обнародовали правила перед всеми участниками. Прежде чем перейти к действию, познакомим читателя с этими правилами.

Правила

Каждый день все поднимаются в десять часов утра. К этому моменту четверо прочищал, которые не будут заняты ночью, приходят к друзьям и приводят с собой каждый по одному мальчику. Они переходят из комнаты в комнату (их действия определяются прихотью господ). Однако мальчики, которых они с собой приведут, остаются на будущее, поскольку господа договорились, что девицы будут лишены невинности спереди только в декабре, а сзади так же, как и мальчики, – только в январе. И все это ради того, чтобы возбудить и понемногу усиливать желание, все более его распаяя с тем, чтобы в конце концов полностью удовлетворить его сладчайшим образом.

В одиннадцать часов господа идут в квартиру девушек. Там сервируется завтрак с горячим шоколадом. Будет подаваться жаркое с испанским вином или другие блюда. Девушки будут обслуживать друзей обнаженными. С ними будут Мари и Луизон, а две другие служанки будут с мальчиками. Если господа пожелают позабавиться с девушками за завтраком или после него, девушки обязаны им безропотно подчиняться под страхом наказания. Но условлено, что по утрам это будет происходить на глазах у всех. Кроме того, девушки должны будут усвоить привычку вставать на колени каждый раз, когда они видят или встречают господ, и оставаться в этом положении до тех пор, пока господа не позволят им подняться. Помимо девушек этим правилам подчиняются жены и старые служанки. Каждого из друзей надо называть отныне только «Монсеньор».

Прежде чем выйти из комнаты девушек, тот из господ, кто отвечает за этот месяц (они решили быть ответственными по очереди: Дюрсе – в ноябре, епископ – в декабре, президент – в январе, а герцог – в феврале), осматривает одну за другой всех девушек, чтобы увидеть, все ли они в том состоянии, в каком им предписано быть. А сие означает, что они должны уметь удерживать в себе естественные позывы. Как строго-настрого возбраняется справлять нужду помимо часовни, приготовленной и предназначенной для этой цели, так и возбраняется отправляться туда без особого разрешения, в котором часто будет отказываться. По этой причине дежурный очередного месяца тотчас после завтрака тщательно проверяет все урильники девочек и при обнаружении нарушения вышеобозначенных двух пунктов правопреступница приговаривается к жестокому наказанию.

Затем друзья идут на квартиру юношей, чтобы сделать подобный же осмотр и установить виновных. Четыре мальчика, которые вместе с прочищалами не заходили утром в комнату друзей, должны при их появлении снять штаны. Четверо других этого делать не будут, а должны безмолвно стоять рядом в ожидании приказов. Господа могут позабавиться с ними на глазах у всех: никаких tête-à-tête в эти часы.

В час пополудни те девочки и мальчики, которым позволено будет справить неотложную большую нужду (а такое позволение дается с трудом и не более чем трети от всех поданных), так вот, повторяю, тем, кому позволено, отправляются в часовню, где все искусно подготовлено для удовольствий, соответствующих этому жанру. Там они найдут четверых друзей, ожидающих их до двух часов и ни минутой позже; все четверо расположены любым наслаждениям, которые им придутся по вкусу в этом месте.

С двух до трех часов обедают за двумя столами: один сервируют на половине девочек, второй – на половине мальчиков. Прислуживают три кухонные девки. За первый стол усаживаются восемь девочек и четыре старухи, за второй – четыре супруги, восемь мальчиков и четыре рассказчицы. Господа же отправляются в салон, где проводят в непринужденной беседе время до трех часов. Незадолго до трех в салоне появляются восемь прочищал, убранных и принаряженных, насколько возможно. В три часа господа приступают к обеду, и только прочищалам предоставляется честь быть приглашенными к их столу. Этот обед

обслуживают четыре супруги господ, снявшие с себя всякие одежды, и четыре старухи, одетые колдуньями. Именно старухи принимают у кухарок блюда, передают их супругам, а уж те предлагают их столу. Во время обеда прочищалы вольны как угодно прикасаться к обнаженному телу каждой супруги, и те не могут избегать этих прикосновений или прикрывать соответствующие места; прочищалы могут доходить и до надругательств над супругами, заставляя их обихаживать поднятые свои члены и подвергая при этом женщин всяческим поношениям.

В пять часов встают из-за стола. Прочищалы свободны до ассамблеи, а друзья переходят в салон, где двое мальчиков и две девочки, каждый день новые, но всегда голые, подносят им кофе и ликеры. Время серьезных забав еще не наступает. Здесь положены невинные игры и шутки. Незадолго до шести часов четверо мальчиков пойдут переодеваться к спектаклю в праздничные одежды. А в шесть часов господа перейдут в зал ассамблеи, предназначенный для выслушивания рассказчиц, уже описанный ранее.

Каждый разместится в своей нише. Дальше порядок будет таков. Трон, о котором мы уже говорили, предназначен рассказчице. На ступенях трона разместятся шестнадцать детей. Четверо из них, две девочки и два мальчика, будут находиться лицом к одной из ниш, то есть каждая ниша будет иметь напротив себя четверых, на которых только она имеет права, а соседняя претендовать не может. Эти квадрильи будут меняться ежедневно. К руке каждого ребенка из квадрильи будет привязана цепь из искусственных цветов, которая тянется к нише; во время рассказа каждый герой мог потянуть за гирлянду – и ребенок сразу бросится к нему. Для наблюдения к каждой четверке приставлена старуха-служанка.

Три рассказчицы будут сидеть у подножия трона на банкетках, не принадлежа никому – и в то же время всем. Четверо прочищал, чье назначение проводить эту ночь с друзьями, на ассамблее не присутствуют. Они должны находиться в своих комнатах и готовиться к ночи, которая потребует от них немалых подвигов. Что касается четырех других, то каждый из них будет в нише у ног одного из организаторов представления; тот будет восседать на диване рядом со своей женой. Жена остается обнаженной. Прочищала одет в жилет и панталоны из розовой тафты. Рассказчица этого месяца будет выглядеть как изящная, дорогая куртизанка – так же, как и три ее коллеги. Мальчики и девочки из квадрилей будут одеты в костюмы: одна квадрилья в азиатском стиле, другая – в испанском, третья – в греческом, четвертая – в турецком. На другой день – новое переодевание, но все одежды будут выполнены из тафты и газа – ничто не будет стеснять движений, и одной отстегнутой булавки будет достаточно, чтобы они оказались голыми. Что касается старух, то они будут одеты попеременно то монашками, то колдуньями и феями, и иногда – как вдовы.

Двери комнаты, смежной с нишей, всегда будут приоткрыты, сами комнаты хорошо натоплены и обставлены мебелью, нужной для разных утех сладострастия. Четыре свечи будут гореть в каждом из этих кабинетов, пятая – в салоне ассамблеи.

Ровно в шесть часов рассказчица начнет свое повествование, которое друзья могут прерывать когда угодно. Рассказ будет длиться до десяти часов вечера; поскольку воображение будет воспламеняться, позволены любые виды наслаждений, но с одним условием: никто не должен лишиться девственности до назначенного срока. Зато можно делать все, что им вздумается, с прочищалами, женами, квадрилей, старухой при нем и даже тремя рассказчицами. Естественно, что, пока длятся эти забавы, рассказ обрывается.

В десять часов – ужин. Жены, рассказчица и восемь девочек ужинают вместе или порознь, но женщинам не положено ужинать вместе с мужчинами. Друзья ужинают с четырьмя прочищалами, не занятыми ночью, и четырьмя мальчиками. Четыре других будут ужинать отдельно, им будут прислуживать старухи. После ужина все вновь встречаются в салоне ассамблеи, на церемонии, носящей название «оргии». Салон будет освещен люстрами. Обнаженными будут все, в том числе и сами господа. Все здесь будет перемешано, и

все будут предоставлены разврату, как животные на свободе. Позволено все, кроме лишения девственности; когда же это случится, с ребенком можно делать все, что придет в голову.

В два часа утра оргия заканчивается. Четверо прочищал, предназначенных для ночи, войдут в зал в легких сквозных одеяниях и подойдут каждый к тому из друзей, с кем должен спать в эту ночь, тот в свою очередь уведет с собой одну из жен или того из детей, кого в эту ночь лишат невинности (когда придет момент для этого), или рассказчицу или старуху, чтобы провести ночь между нею и своим прочищалою, творя все по своей прихоти с единственной оговоркой, что предмет сладострастия каждую ночь другой.

Таков будет распорядок каждого дня. Независимо от того, каждая из семнадцати недель пребывания в замке будет отмечена особым праздником. Это, прежде всего, будут свадьбы: о времени и месте каждой из них все будут оповещены заранее. Сначала это будут брачные торжества. Но так как первыми будут сочетаться самые юные, не способные пока к исполнению супружеских обязанностей, в порядке, установленном для растления малолетних, ничего не изменится. А браки между старшими будут праздноваться уже после лишения их невинности и тоже ничему не повредят, поскольку первые цветы уже будут сорваны.

Каждая старуха служанка будет отвечать за поведение четырех детей. Когда они заметят какие-либо провинности, они немедленно сообщат это тому из друзей, кто будет дежурным в этом месяце, а наказанием будут заниматься все в субботу вечером – в час оргии. Будет составлен точный список участников наказания. Что касается ошибок рассказчиц, они будут наказаны только наполовину по сравнению с детьми, поскольку их талант служит обществу, а таланты надо уважать. Жены и старухи будут наказаны вдвойне по сравнению с детьми. Каждый, кто откажет одному из друзей в том, о чем тот его просит, даже если его состояние не позволяет уступить, будет сурово наказан – пусть он предвидит и остережется.

Малейший смех или проявление непочтительности по отношению к друзьям во время свершения ими сладострастного действия считается особо тяжким преступлением. Мужчина, которого застанут в постели с женщиной, если это не предусмотрено специальным разрешением, где указана именно эта женщина, будет наказан отсечением члена. Малейший акт уважения к религии со стороны любого, кем бы он ни был, будет караться смертью. Рекомендуются самые грубые и грязные богохульства; имя Бога вообще нельзя произносить без проклятий и ругательств.

Когда кто-то из друзей идет испражняться, его сопровождает одна из женщин, которую он для этого избрал, чтобы заниматься необходимым при этих действиях уходом. Никто из подданных, будь это мужской пол, будь женский, не вправе приводить себя в порядок после исправления нужды без особого разрешения дежурного господина, а будет это правило нарушено, виновного ждет суровое наказание. Жены друзей не пользуются при этом никакими преимуществами перед другими женщинами. Напротив, их чаще других используют на самых грязных работах, например, при уборке общих туалетов и особенно туалета в часовне. Уборные вычищаются каждые восемь дней – это обязанность жен.

Если кто-либо манкирует заседанием ассамблеи, ему грозит смерть, кем бы он ни был.

Кухарки и их помощницы находятся в особом положении: их уважают. Если же кто-то покусится на их честь, его ждет штраф в размере тысячи луидоров. Эти деньги по возвращении во Францию должны будут послужить к началу нового предприятия – в духе этого или еще какого-либо другого.

Составив и обнародовав эти правила тридцатого октября, герцог провел все утро тридцать первого за проверкой и осмотром места предстоящих действий: достаточно ли оно надежно, нет ли чего, что могло бы способствовать как проникновению в это убежище, так и бегству из него. Убедившись, что надо быть птицей или дьяволом, чтобы пробраться туда или выбраться оттуда, он отчитался перед сотоварищами в своей комиссии, а вечер тридцать первого отвел на то, чтобы обратиться с речью к женщинам. Их собрали в зале рассказов, и

герцог, поднявшись на трибуну (то есть на трон, предназначенный для рассказчиц), произнес речь, приблизительно следующего содержания:

– Вы, существа слабые и ничтожные, предназначенные единственно для наших наслаждений, надеюсь, вы не обольщаетесь мыслью, что властью, столь же нелепой, сколь и абсолютной, какой вам позволено пользоваться повсюду, вы сможете пользоваться и в этих местах. Под ярмом в тысячу раз более тяжким, чем рабское, вам нечего здесь ожидать, кроме унижений, и единственная добродетель, о которой не советую вам здесь забывать, – повиновение. Только оно соответствует тому положению, в котором вы оказались. И уж никак не вздумайте полагаться на ваши прелести. Даже слишком искушенные в устройстве таких ловушек должны ясно представлять себе, что мы на такие наживки не клюнем. Не забывайте ни на мгновение, что мы берем себе вас всех, но ни одна не должна рассчитывать, что именно ей удастся внушить вам чувство сострадания и жалости. Да и что, впрочем, можете вы предложить нам из того, чего бы мы не знали наизусть? Из того, чего бы не попирали ногами, зачастую даже в минуты восторженного исступления? Не считаю нужным скрывать от вас, что вас ожидает служба тяжкая, мучительная и изнурительная, и за малейшую оплошность вас неукоснительно и немедленно подвергнут суровому телесному наказанию. Потому я должен порекомендовать вам аккуратность, покорность и полное самоотречение в следовании нашим желаниям: пусть вашим единственным законом станет повиновение, летите навстречу нашим прихотям, предупреждайте их и помогайте им рождаться. И это не потому, что вы что-то выиграете таким поведением, а потому, что потеряете неизмеримо больше, если не последуете этим правилам. Подумайте о вашем положении, подумайте о том, кто вы и кто мы, и пусть эти мысли повергнут вас в трепет. Вы находитесь вдали от Франции, в глубине необитаемых лесов, среди крутых вершин и глубоких пропастей, все переходы через которые были разрушены, едва вы по ним прошли. Вы заточены в неприступной крепости; никто не ведает о вашем местопребывании, вы оторваны от ваших друзей и родных; для всего мира вы умерли, и только наши желания продлевают вашу жизнь.

И кто же те люди, во власти которых вы оказались теперь? Закоренелые злодеи, для которых нет иного Бога, чем их похоть, нет иного закона, чем разврат, и чьему распутству нет никаких пределов; совратители и растлители без веры, без принципов, без морали, чье самое незначительное преступление глубоко оскверняет все, что так ценят глупцы. Для нас убить женщину – да что я говорю «женщину!» – убить любого человека из населяющих поверхность земного шара так же легко, как прихлопнуть муху. Вряд ли сыщется порок, которому мы не предавались бы, пусть ни в ком из вас это не вызовет отвращения, принимайте наши желания без брезгливой мины, а смиренно, с терпением и даже с отвагой. Если, к несчастью, кто-либо из вас не выдержит бури наших страстей, пусть мужественно встретит свою участь: никому из нас не суждено жить вечно, и счастлива та женщина, что умирает юной.

Вам прочли правила весьма мудрые и надежно обеспечивающие как вашу безопасность, так и наши удовольствия. Следуйте же им не умничая, слепо и поостерегитесь раздражить нас дурным поведением.

Я знаю, что иные из вас уповают на известные узы, связывающие нас с ними, и рассчитывают благодаря им пользоваться некоторым снисхождением. Вы совершите роковую ошибку, если будете надеяться на это. Никакая связь не является священной в наших глазах, и чем более высоко стоит она в глазах других, тем более возбуждаются наши чувства от пренебрежения ею. Дочери наши и супруги, именно к вам обращаюсь я в эту минуту. Не ждите для себя никаких преимуществ. Напротив, предупреждаем вас, что обхождение с вами будет более суровым, нежели с другими, и именно для того, чтобы показать вам, до какой степени презираем мы те узы, которые, как вы полагаете, нерушимо соединили нас с вами. И не ждите к тому же, что наши прихоти, исполнения которых мы будем от вас требовать, будут адресоваться вам ясным и определенным образом: жест, взгляд, а то и внутреннее состояние

души должны быть вам вняты, и если вы не поймете их, то вас подвергнут наказанию тотчас же. Это будет расценено как неповиновение, а не непонимание. Вам предстоит разбираться в наших жестах, взглядах, даже в выражении нашего лица. Предположим, к примеру, пожелали увидеть обнаженной такую-то часть вашего тела, а вы по оплошности подсунули другу: вы разумеете, до какой степени вы приведете в смятение наше воображение и охладите пыл либертина, который, к примеру, жаждал увидеть зад, чтобы разрядиться, и которому по дурости подставили переднюю дыру. Вообще постарайтесь пореже открываться спереди, вспоминайте почаще, что эта смердящая часть вашего тела, которую природа создала, надо полагать, сдуру, внушает нам по преимуществу отвращение. Что же касается самих задниц, то вы должны знать, сколь желанны они многим, причем именно в том состоянии, которое вы предпочитаете утаивать от посторонних взглядов.

Впрочем, вскоре вы получите дальнейшие инструкции от четырех дуэний, которые объяснят вам все окончательно.

Одним словом, трепещите, угадывайте, повинуйтесь, предвосхищайте, и если вы не будете особенно счастливы, то и непоправимых бед с вами не случится. Притом – никаких интрижек между вами, никаких связей и, самое главное, чтобы не было этой дурацкой девичьей влюбленности друг в дружку, которая, с одной стороны, размягчает сердце, а с другой – делает его более недоступным и менее расположенным к тому единственному и простому, к чему мы вас предназначили. Уразумейте, что мы смотрим на вас отнюдь не как на существа человеческие, а как на животных, которых кормят, когда они исправно служат, и забивают, когда они служить отказываются, и, стало быть, проку в них никакого нет.

Вы увидели и то, что вам строго-настрога запрещено все, что может походить на исповедание какой-либо религии; нет ни одного преступления, за которое здесь подвергнут столь же тяжелой каре, как за это. Мы знаем, что среди вас есть несколько полоумных, которые никак не могут отвлечься от идеи этого презренного божка и почувствовать, насколько омерзительна религия; их будут тщательно проверять, и не стану от вас скрывать, что не будет предела тому, что им придется вынести, если, к несчастью, их застигнут с поличным. Пусть они убедятся, эти безмозглые твари, пусть удостоверятся, что существование Бога есть бред помешанного, которому ныне на земле верят не более чем два десятка ослепленных приверженцев, что религия – всего лишь хитрая выдумка, которой плуты хотели нас обмануть и которая сегодня достаточно разоблачена. Посудите сами: если бы существовал Бог и он был всемогущ, как мог он позволить, чтобы добродетель, которую он предписывает всем чтить и которой вы так гордитесь, была принесена в жертву пороку, разврату? Как может всемогущий допустить, чтобы такое ничтожное существо, как я, который в сравнении с ним все равно что клещ в сравнении со слоном, высмеивало и презирало его, как это делаю я с превеликим удовольствием каждый день?

Завершив эту краткую проповедь, герцог сошел с трона, и все слушательницы, за исключением четырех дуэний и четырех рассказчиц, прекрасно понимавших, что им предстоит играть роль жриц, а не жертв, все, повторяю я, кроме этих восьмерых, залились слезами. Герцог, ничуть не тронутый общей печалью, оставил их судачить, строить догадки, плакаться друг дружке, уверенный, что находящиеся при них восемь его шпионов дадут ему полный отчет обо всем. Он провел ночь с Эркюлем, одним из прочищал, ставшим его самым большим фаворитом как любовник, и с маленьким Зефиром, который в качестве любовницы занимал всегда первое место в сердце герцога.

Назавтра, как только пробило десять часов утра, занавес грандиозного действия разврата поднялся, чтобы не опускаться больше до самого конца спектакля, до двадцать восьмого дня февраля.

А теперь, друг-читатель, надобно расположить и твое сердце, и твой рассудок к повествованию, грязнее которого не было за все время существования мира, такой книги ты не сыщешь ни у древних, ни у нынешних авторов. Вообрази, что всякое наслаждение, если оно прилично или предписано тем существам, о котором ты беспрестанно рассуждаешь, не будучи с ним знаком досконально, и которое ты именуешь природой, все подобные наслаждения, говорю, нарочно исключены из этого сборника, а если ты, паче чаянья, встретишься здесь с ними, то они непременно будут сопровождаться каким-либо преступлением или будут приправлены какой-нибудь гнусностью.

Несомненно, многие из тех экстравагантностей, что будут изображены перед тобой, покажутся тебе отвратительными, но среди них непременно найдутся и такие, которые смогут разогреть тебя до такого градуса, что это обойдется тебе не в одну каплю любовного сока. Вот и все, что нам нужно.

Без подробного рассказа, без кропотливого анализа можешь ли ты ждать от нас уверенной догадки о том, что тебе подходит? Это ты волен выбрать одно и отказаться от прочего; другой предпочтет иное, и мало-помалу все займет свои места. Итак, перед тобой рассказ о великолепном празднестве, где приготовлены шесть сотен самых разнообразных блюд для удовлетворения твоего аппетита. Все ли они будут тобой испробованы? Нет, разумеется, но такое невероятное количество расширит границы твоего выбора, и, прельщенный богатством возможностей, ты не станешь сетовать на угощающего тебя амфитриона. Поступи соответственно: остановись на чем-то и пренебреги остальным, но не осуждай то, что тобой отброшено, только потому, что эти вещи не имели счастья получить твое одобрение. Помни, что другие одобрили их, и будь философом. Что же касается разнообразия этих блюд, будь уверен, что оно существует: приглядишься прилежно к тем проявлениям страстей, которые представляются тебе ничуть не отличными друг от друга, и ты увидишь различия между ними; как бы тонки, как бы незначительны ни были эти различия, они должным образом выделяют и характеризуют те или иные виды либертинажа, здесь рассматриваемые и обсуждаемые. К тому же все эти шесть сотен страстей разбросаны по историям четырех рассказчиц: еще одно обстоятельство, о коем читателя должно предупредить. Мы не хотели документально монотонным представлением этих страстей, но вставили их в живую ткань рассказа. Но и здесь можно опасаться, что иной малосведущий в материях подобного рода читатель спутает означенные страсти с рассказом о каком-то приключении или просто обыденном случае из жизни рассказчицы; потому-то представление каждой из этих страстей выделено со всевозможным тщанием: на полях проставлены особые значки, под которыми помещены слова, годящиеся для наименования той или иной страсти. Значки эти находятся в одном ряду с тем местом, откуда начинается рассказ о ней. Окончание же рассказа непременно ознаменовано тем, что следующий, не имеющий касательства к данной особенности, фрагмент начинается с красной строки.

Кроме того, обилие персонажей этой своеобразной драмы понуждает нас, несмотря на подробное их описание, данное выше, поместить здесь и особую таблицу, содержащую имя, возраст каждого действующего лица и также беглый набросок его портрета. Читатель, если он затруднится по мере развертывания повествования при встрече с тем или иным героем, может возвратиться к этой таблице или пройти еще дальше к началу, если эскиз в таблице не позволит ему достаточно разобраться, о ком идет речь.

Персонажи романа о Школе Либертинажа

ГЕРЦОГ ДЕ БЛАНЖИ, пятидесяти лет, сложен, как сатир, одарен чудовищным мужским органом и неистовой силой. Его можно рассматривать как представляющего в своем лице все пороки и все преступления. Он убил свою мать, свою сестру и трех своих жен.

ЕПИСКОП ***, брат герцога. Сорок пять лет, более тонкого сложения, чем герцог, с очень дурными зубами. Лукавый, пронырливый, преданный приверженец содомии как активной, так и пассивной; все остальные виды удовлетворения похоти отвергает с презрением. Двух детей, оставленных ему на попечение умершим другом, он убил, чтобы овладеть их наследством. У него была настолько возбудимая нервная система, что он часто терял сознание во время извержения семени.

ПРЕЗИДЕНТ КЮРВАЛЬ, шестидесяти лет. Это был высокий, сухопарый мужчина с угасшим взором, глубоко сидящим в глазницах глаз, с нечистым дыханием изо рта, ходячий образ распутства и либертинажа. Он подверг себя обрезанию, эрекция у него случалась редко и с большими затруднениями, однако когда она все-таки случалась, изливался он весьма бурно, а вообще излияние семени у него происходило ежедневно. Предпочтение он отдавал мужскому полу, однако и девицей не брезговал бы. Но больше всего он любил старух и все, что отдавало свинством. Он был снабжен почти таким же огромным членом, что и герцог. За последние годы он крепко огрубел вследствие разврата и непомерного пьянства. Он получал особенное удовольствие от жестокостей и насилия и часто совершал их во время извержения семени.

ДЮРСЕ, финансист, пятидесяти трех лет, близкий друг и школьный товарищ герцога. Это был коренастый коротышка с хорошо сохранившимся телом, кожа была свежей и белой. Талия у него была совсем женская, и таковы же были его вкусы; лишенный возможности из-за миниатюрности своего органа доставлять наслаждение женщинам, он предпочел их изображать и был готов, чтоб его использовали соответственно в любую минуту. Единственное, в чем он мог проявлять свою активность, было сношение в рот, и он, разумеется, любил это безумно. Наслаждения плоти были его богами, и ради них он был готов принести в жертву все что угодно и кого угодно. Он был умен, хитер и совершил множество преступлений. Он отравил свою мать, свою жену, свою племянницу единственно с целью захватить их состояние. Душа у него была тверда, душа стойкая, совершенно не знающая сострадания. Но член его почти не знал состояния напряжения, а изливался он крайне редко, причем минутам кризиса предшествовали приступы похотливого бешенства, опасные зачастую для того или той, кто служил предметом его страсти.

КОНСТАНЦИЯ, жена герцога и дочь Дюрсе. Ей было двадцать два года, она была красива красотой римлянки, скорее величественной, чем изящной, и несмотря на некоторую дородность, была хорошо сложена, роскошное тело, своеобразно изваянный зад, могущий служить моделью художнику, черноволоса и черноглаза. Она обладала умом и ничего, кроме ужаса, не испытывала перед своей судьбой. Ее природную добродетель ничто, кажется, не могло разрушить.

АДЕЛАИДА, жена Дюрсе и дочь президента. Это была прелестная куколка двадцати лет, блондинка с красивыми живыми голубыми глазами. Всем своим обликом она годилась в героини романа. Немного длинная шея и слишком крупный рот – вот, пожалуй, и все ее недостатки. Маленькая грудь, маленький зад – все отличной формы. Ее душа была настроена на лад романтический, сердце нежное, и она старательно скрывала, что была набожной христианкой.

ЮЛИЯ, жена президента и старшая дочь герцога. Этой сдобной толстушке было двадцать четыре года. У нее были прекрасные карие глаза, красивый носик, черты лица

несколько резкие, но приятные, и только рот был ужасно велик. Добродетели в ней не замечалось, напротив, она имела склонность к неопрятности, к пьянству, к обжорству и к распутству. Муж любил ее именно за изъясн ее рта – эта странность соответствовала вкусам президента. Какого-нибудь понятия о религии Юлия не имела никогда.

АЛИНА, ее младшая сестра, считающаяся дочерью герцога, но на самом деле обязанная своим рождением епископу и одной из герцоговых жен. Восемнадцать лет, весьма пикантная физиономия, карие глаза, вздернутый нос, производила впечатление довольно шаловливой, хотя по сути своей была вяловата и ленива. Темперамент в ней еще не сказался, и она от всей души ненавидела те мерзости, которым подвергалась. Епископ лишил ее невинности сзади в десятилетнем возрасте. Он оставил ее в полном невежестве: она не умела ни читать, ни писать, она ненавидела епископа и чрезвычайно боялась герцога. Очень любила свою сестру, была воздержана и опрятна, отличалась какой-то детскостью. Зад у нее был прелестный.

ДЮКЛО, первая рассказчица. Ей было сорок восемь лет, она была довольно свежа, многое сохранила из своей красоты, зад ее был выше всяких похвал. Брюнетка, дородный стан, в теле.

ШАМВИЛЬ было пятьдесят лет. Она была худа, хорошо сложена, взгляд пылал похотью. Она была трибада, и все в ней изобличало эту склонность. В последнее время она занималась сводничеством. Блондинка, глаза красивы, клитор длинный и очень чувствительный, зад довольно послуживший, и, однако, с этой стороны она была девственницей.

МАРТЕН, пятидесяти двух лет. Сводница. Толстенная мамаша, довольно свежая и здоровая. Благодаря особенностям своего женского органа она сызмальства была знакома только с наслаждениями Содома, для которых она, кажется, была и создана, так как обладала самым прекрасным из всего возможного задом: он был огромен и так хорошо приспособлен для проникновения, что она, не моргнув глазом, принимала в себя самые могучие орудия. Она еще сохраняла свежесть черт, хотя, конечно, уже начинала увядать.

ДЕГРАНЖ, пятидесяти шести лет, была самой большой злодейкой, когда-либо существовавшей на свете. Она была длинная, тощая, бледная, с черными как смоль волосами – это было само воплощенное злодейство. Ее потрепанный в сражениях зад напоминал наждачную бумагу и был украшен зияющей дырищей. У нее не хватало одной груди, трех пальцев и шести зубов – словом, тот еще фрукт. Не существовало преступления, которого она бы не осуществила. Разговор у нее был приятный, она была умна и к настоящему времени была содержательницей притона.

МАРИ, первая дуэнья, пятьдесят восемь лет. Она испытала и плети, и клеймение, водилась с воровскими шайками. Тусклые, гноящиеся глаза, кривой нос, желтые зубы, одна ягодица изъедена язвами. Она родила и сама же умертвила четырнадцать детей.

ЛУИЗОН, вторая дуэнья, шестидесяти лет. Низкорослая хромоножка, кривая и горбатая, однако с очень красивым задом. Натура преступная и злобная. Эти двое были приставлены к девочкам, а две последующие – к мальчикам.

ТЕРЕЗА, шестидесяти двух лет. По виду – сухой скелет, ни волос на голове, ни зубов во рту, из которого выходило зловонное дыхание. Зад испещрен шрамами, дыра огромная. От нее исходило постоянное зловоние. Одна рука у нее была скрючена, и она хромала.

ФАНШОН было шестьдесят восемь лет. Шесть раз она была приговорена к повешению, совершила все мыслимые преступления. Косоглазая, курносая толстуха, у которой во рту осталось лишь два клыка. Рожистое воспаление раскрасило ее задницу, геморроидальные шишки украшали дыру, шанкр пожирал вагину, а рак – грудь. Кроме того, у нее была обожжена кожа на ноге, она жрала что ни попадя и могла блевать, пускать газы и испражняться в любую минуту и в любом месте, сама того не замечая.

Сераль девочек

ОГЮСТИНА, дочь барона из Лангедока, пятнадцать лет, изящная смышленная мордочка.

ФАННИ, дочь советника из Бретани, четырнадцать лет, внешность милая и ласковая.

ЗЕЛЬМИРА, дочь графа де Тервиль, сеньора де Бос, пятнадцать лет, благородный вид и чувствительная душа.

СОФИ, дочь дворянина из Берри, очаровательная четырнадцатилетняя девочка.

КОЛОМБА, дочь советника Парижского парламента, тринадцать лет, свежести необыкновенной.

ЭБЕ, дочь офицера из Орлеана, вид очень проказливый и прекрасные глаза; ей двенадцать.

РОЗЕТТА и МИШЕТТА, две по внешности благовоспитанные девочки. Одной тринадцать лет, она дочь судейского из Шалона на Соне; второй – дочери маркиза де Сенанжа, двенадцать лет, она была похищена у своего отца в Бурбоннэ.

Все эти девочки были прекрасного сложения и исключительной миловидности, их отобрали из ста тридцати кандидаток.

Сераль мальчиков

ЗЕЛАМИР, тринадцатилетний сын дворянина из Пуату.

КУПИДОН, того же возраста, сын дворянина из окрестностей де Ла-Флеш.

НАРЦИСС, двенадцати лет, сын мальтийского рыцаря из Руана.

ЗЕФИР, из Парижа, сын генерала, он предназначался герцогу. Ему пятнадцать лет.

СЕЛАДОН, сын судейского из Нанси. Ему четырнадцать лет.

АДОНИС, сын президента Палаты из Парижа, пятнадцать лет. Он предназначался Кюрвалю.

ГИАЦИНТ, четырнадцать лет, офицерский сын, похищенный в Шампани.

ЖИТОН, королевский паж, двенадцати лет, сын дворянина из Ниверне.

Никакое перо не в силах описать изящество, красоту и тайные прелести этих восьмерых детей, выбранных, как уже было сказано, из огромного числа своих сверстников.

Восемь прочищал

ЭРКЮЛЬ, двадцати шести лет, довольно красивый малый, но совершеннейший негодяй; фаворит герцога; член восьми дюймов и двух линий в обхвате при тринадцатидюймовой длине; изливания обильны.

АНТИНОЙ, очень красивый тридцатилетний мужчина. Его член – восьми дюймов в обхвате и двенадцати в длину.

БРИЗ-КЮЛЬ, двадцать восемь лет, по виду сущий сатир; член кривой, головка огромна: она имеет восемь дюймов, три линии в обхвате, тогда как сам член в обхвате только восемь дюймов и в длину тринадцать. Этот чудовищный член изогнут, как турецкий ятаган.

БАНД-О-СЪЕЛЬ, двадцати пяти лет, очень уродлив внешне, но крепок и здоров; главный фаворит Кюрваля, он всегда наготове, член его – семь дюймов, одиннадцать линий в обхвате и одиннадцать дюймов в длину.

Четверо других обладают членами длиной от девяти до одиннадцати дюймов, а в обхвате от семи с половиной четверки – между двадцатью пятью и тридцатью годами.

Вот что я пропустил при написании вступления:

1. Надо будет сказать, что Эркюль и Банд-о-Сьель, один негодяй, а другой – очень уродлив внешне, и что никто из восьмерки не получал никогда удовольствия ни с мужчинами, ни с женщинами.

2. Что часовня служила одновременно и сортиром, и детализировать последствия такового ее употребления.

3. Что сводники и сводницы в своих поисках пользовались услугами различных головорезов, бывших в их распоряжении.

4. Подробнее рассказать о грудях служанок и о раке у Фанион. Также подробнее описать внешность всех шестнадцати детей.

Сто пятьдесят простых страстей или страстей первого уровня, составляющих тридцать ноябрьских дней, наполненных повествованием Дюкло, к которым примешались скандальные события в замке, записанные в форме дневника в течение указанного месяца.

Часть первая

День первый

Первого ноября все поднялись в десять часов утра, как это было предписано распоряжением, который все поклялись ни в чем не нарушать. Четверо прочищал, которые не разделяли в эту ночь ложе друзей, привели Зефира – к герцогу, Адониса – к Кюрвалю, Нарцисса – к Дюрсе и Зеламира – к епископу. Все четыре мальчика были очень робки, еще очень неловки, но, ободряемые каждый своим вожатым, они неплохо выполнили свои обязанности, и герцог выпалил свой заряд. Остальные трое, более сдержанно и менее расточительно относящиеся к своей сперме, входили в них так же, как и он, но ничего не оставили там от себя. В одиннадцать часов перешли в апартаменты женщин, где восемь юных султанш явились нагими и в таком же виде подавали шоколад. Мари и Луизон, верховодившие в этом серале, помогали им и направляли их. Прикосновения и ощупывания, многочисленные поцелуи; восемь несчастных крошек, жертвы из ряда вон выходящей похоти, краснели, прикрывались руками, пытаясь защитить свои прелести, и тотчас же показывали все, как только видели, что их стыдливость возмущает и злит господ. Герцог, восстановивший силы очень быстро, сравнил окружность своего орудия с тонким легким станом Мишетты: оказалось всего три дюйма разницы. Дюрсе, который был распорядителем в этот месяц, совершил предписанные осмотры и визиты. Эбе и Коломба были замечены в проступках, и их наказание было немедленно назначено на ближайшую субботу на время оргий. Слезы их никого не разжалобили. Перешли к мальчикам. Те четверо, которых не готовили на утро, а именно: Купидон, Селадон, Гиацинт и Житон, послушные приказу, спустили штаны, и какое-то время все потешили свой взор. Кюрваль перецеловал всех четверых в губы, а епископ потрепал каждого за член, пока герцог и Дюрсе занимались кое-чем другим. Визиты закончились, никто не проштрафился. В час дня друзья переместились в часовню, где, как известно, была устроена уборная. Необходимость сохранить себя для предусмотренного на вечер заставила отказаться от многого дозволенного; появились лишь Констанция, Дюкло, Огюстина, Софи, Зеламир, Купидон и Луизон. Всем остальным приказано было побережься до вечера. Четверо друзей, расположившись вокруг того самого сиденья, сооруженного именно для этой затеи, заставили посидеть на нем одного за другим всех семерых подданных и удалились, досыта наглядевшись на это зрелище. Они сошли в гостиную и там, пока женщины обедали, развлекались беседой до той поры, когда им также подали на стол. Каждый из четырех разместился между двумя прочищалами, согласно установленному правилу: никогда не допускать женщин к своему столу; их супруги, сопровождаемые старухами, одетыми в серые монашеские одежды, подали обед, самый великолепный и вкусный, который можно только представить. Не могло быть искуснее кухарок, чем те, которых доставили в замок; им так хорошо платили и так хорошо снабдили провизией, что все устроилось как нельзя лучше. Обед этот должен был быть менее плотным, чем ужин. Бургундское появилось вместе с холодными закусками, бордо было подано к первому блюду, шампанское – к жаркому, эрмитаж – перед десертом, токайское и мадера – к десерту. Мало-помалу в головах зашумело. Прочищалам были дарованы на это время права над женами друзей, и они не преминули над ними покуражиться немного. Констанция, замешкавшаяся с подношением тарелки Эркюлю, получила от него добрый тумак. Эркюль, посчитав себя фаворитом герцога, решил не церемониться с его супругой. Герцог лишь рассмеялся на это. Кюрваль, к десерту изрядно подвыпивший, бросил в лицо своей жене тарелку: не увернись она, тарелка раскроила бы ей голову. Дюрсе, видя, как возбудился один из его соседей, нашел вполне уместным за столом растегнуться, спустить панталоны и подставить свой зад. Сосед пронзил его, и по завершении дела оба они, как ни в чем не бывало, вернулись к винам и яствам. Герцог не замедлил повторить с Банд-о-Съелем проделку своего старого товарища. При этом он побился

об заклад, что, пока его будут обхаживать сзади, он, несмотря на величину члена, вонзившегося в него, сумеет спокойно выпить три бутылки вина. Какая выдержка, какое хладнокровие, какое спокойствие среди бури распутства! Герцог выиграл спор, и хотя эти три бутылки были выпиты не натошак и присоединились к пятнадцати опорожненным ранее, он вернулся к столу, ничуть не потеряв в своей осанке. Первое, что предстало пред ним, была его собственная жена; она плакала от обиды, нанесенной ей Эркюлем, и это зрелище привело герцога в такой раж, что он немедленно подверг супругу такому обращению, которое мы пока еще не можем изобразить читателю. Читатель, видящий, как мы смущены подобным началом, простит нас за то, что мы, чтобы привести в порядок наш сюжет, пока что скрываем от него некоторые подробности. Наконец, перешли в гостиную, где новые удовольствия и подвиги ждали наших ратоборцев. Очаровательная четверка из двух юных красавцев, Адониса и Гиацинта, и двух прелестных девочек, Зельмиры и Фанни, подала им кофе и ликеры. Тереза, одна из дуэний, руководила ими: было принято, что повсюду, где собиралось двое или трое детей, за ними должен быть надзор. Четверо наших распутников, полупьяные, но все же решительно настроенные соблюдать свои законы, довольствовались поцелуями и прикосновениями; их развращенный ум умел находить тонкие приправы в деле разврата. Показалось в какую-то минуту, что епископ вот-вот прольет семя от тех необычных вещей, которых он требовал от Гиацинта, пока Зельмира бранила его. Вот уже затрепетали его нервы и волна судорог прошла по его телу, но он сдержался и отбросил подальше от себя соблазнитель, зная, что ему еще предстоит нелегкая работа, и сохранил себя, по меньшей мере, до конца дня. Выпито было шесть различных сортов ликера и три вида кофе; урочный час пробил, две пары отправились одеваться. Наши друзья устроили себе четвертьчасовой отдых, после чего перешли в Тронный Зал. Такое имя дали залу, назначенному для выслушивания историй. Друзья устроились на диванах, герцог со своим любимцем Эркюлем в ногах, рядом – нагая Аделаида, жена Дюрсе и дочь президента; напротив герцога – квадрилья, связанная с его нишей гирляндами, так как это было уже объяснено: Зефир, Житон, Огюстина и Софи – в пастушеских костюмах под предводительством Луизон, одетой старой крестьянкой и исполняющей роль их матери. У Кюрваля в ногах расположился Банд-о-Сьель, на канопе – Констанция, жена герцога и дочь Дюрсе, квадрилья: Адонис, Селадон, Фанни и Зельмира, возглавляемые дуэньей Фаншон. У ног епископа находился Антиной, его племянница Юлия на диване и четверо почти голых дикарей: мальчики Купидон и Нарцисс и девочки Эбе и Розетта, возглавляемые старой амазонкой, которую изображала Тереза, составляли квадрилью. У Дюрсе в качестве прочищала был Бриз-Кюль, рядом с ним стояла Алина, дочь епископа, а напротив – четыре маленьких султанши: два мальчика, переодетых девочками – такая утонченность делала еще более обольстительными формы Зеламира, Гиацинта, Коломбы и Мишетты. Старая арабская рабыня, которую изображала Мари, возглавляла квадрилью. Три рассказчицы, великолепно одетые на манер парижских девушек из хороших семей, сели на подножие трона на диване, с умыслом поставленном здесь, и Дюкло, рассказчица этого месяца, в легком и очень элегантном прозрачном наряде, нарумяненная и украшенная бриллиантами, устроившись на возвышении, так начала историю своей жизни, в которой она должна была подробно изобразить сто пятьдесят первых страстей, названных простыми страстями.

– Не такой это пустяк, господа, говорить перед собранием, подобным вашему. Привыкшие ко всему тонкому и изящному в искусстве словесности, как сможете переносить вы неотточенный грубый рассказ несчастной, которая не получила никакого иного воспитания, кроме того, что дала ей распутная жизнь? Но меня обнадеживает ваша снисходительность, вы требуете лишь естественности и правды, и в этом качестве, без сомнения, я осмеливаюсь надеяться на вашу благосклонность. Моей матери было двадцать пять лет, когда она родила

меня; я стала ее вторым ребенком, сестра моя была шестью годами старше. Наша мать была незнатного происхождения. Круглая сирота, она очень рано осталась без родителей; поскольку жили они неподалеку от монастыря реколлектов в Париже, когда она осталась совсем одна, без средств к существованию, то получила от этих добрых отцов разрешение приходить просить милостыню у них в церкви. Но поскольку она сохранила еще молодость и свежесть, очень скоро на нее обратили внимание, и из церкви она поднялась в кельи, откуда вскоре спустилась беременной. Именно подобным приключениям была обязана своим рождением моя сестра, и представляется довольно правдоподобным, что мое появление на свет было вызвано тем же. Добрые отцы, довольные послушанием моей матери, видя, как она плодотворно трудится для общины, вознаградили ее за труды, предоставив собирать плату за стулья в церкви; этот пост моя мать обрела после того, как с разрешения своих покровителей вышла замуж за монастырского водоноса, который без тени недовольства тотчас же удочерил меня с сестрой. Родившись в храме, я и жила, по правде говоря, скорее там, чем в нашем доме. Я помогала матери расставлять стулья, была на подхвате у ризничих по их делам, прислуживала по мере надобности во время мессы, хотя мне тогда исполнилось лишь пять лет. Однажды, во время исполнения этих священных обязанностей, сестра моя спросила меня, встречалась ли я уже с отцом Лораном?

«Нет», – отвечала я. «И все же, – сказала она мне, – он выслеживает тебя, я знаю; он хочет показать тебе то, что показывал мне. Не беги его, взгляни на это без всякой боязни, он не тронет тебя, а только покажет тебе что-то очень забавное, и если ты дашь ему сделать это, он тебя хорошо вознаградит. Нас в округе больше пятнадцати, кому он это показывал много раз. Это доставляет ему удовольствие, а каждой из нас за это он давал какой-нибудь подарок». Вы прекрасно представляете себе, господа, что не надо было больше ничего прибавлять, чтобы я не только не бегала от отца Лорана, но даже стала искать встречи с ним. Стыдливость почти молчит в том возрасте, в котором я была, и такое молчание в существе, едва вышедшем из рук природы, не является ли верным доказательством того, что это неестественное чувство дано нам не нашей праmaterью, а лишь воспитанием? Я тотчас же полетела в церковь и, когда пробегала по дворику, который находился между входом в церковь со стороны монастыря и самим монастырем, то столкнулась нос к носу с отцом Лораном. Это был монах лет сорока, очень красивый. Он останавливает меня: «Куда ты идешь, Франсон?» – говорит он мне. «Расставлять стулья, отец мой». – «Ну, хорошо, хорошо, твоя матушка сама расставит их. Зайдем-ка вот в эту комнатку, – говорит он, увлекая меня в какую-то клетушку, – я покажу тебе кое-что, чего ты никогда не видела». Я иду за ним, он затворяет за нами дверь и ставит меня прямехонько перед собой: «Посмотри-ка, Франсон, – говорит он, вытаскивая из своих штанов чудовищный член, от одного вида которого я едва не упала в обморок, – посмотри-ка, дитя мое, – продолжал он, раскачивая в руках это чудовище, – видела ли ты когда-нибудь этакое?.. Это то, что называют член, моя крошка, да, член... Он служит для того, чтобы совокупляться, а то, что ты скоро увидишь, – то, что скоро потечет, называется семенем, из него ты и сотворена. Я показывал это твоей сестре, я показывал это всем маленьким девочкам твоего возраста; приводи же, приводи их ко мне, поступай, как поступает твоя сестра, она познакомила меня более чем с двадцатью из них... Я покажу им мой член, и он брызнет семенем прямо им в мордашку... Это – моя страсть, дитя мое, я не делаю больше ничего другого... и ты это увидишь». В то же время я почувствовала, что меня всю облепила какая-то белая роса, несколько капель даже попали мне в глаза, потому что моя маленькая головка находилась как раз на уровне его застеежки. Лоран тем временем продолжал действовать: «Ах, какая прекрасная сперма... Какая прекрасная сперма льется из меня, – приговаривал он, – ты вся уже ей покрыта!» Успокаиваясь понемногу, он вернул свое орудие на место и покинул поле боя, сунув мне двадцать су и наказав приводить к нему моих маленьких подружек. Как вы уже догадываетесь, я тотчас же поспешила рассказать

обо всем сестре, она старательно всю меня обтерла, чтобы ничего не было заметно; а за то, что помогла обрести мне небольшое состояние, не преминула попросить половину моего заработка. Этот пример научил и меня; в надежде на подобный дележ, я не упускала случая отыскать как можно больше девочек для отца Лорана. Но когда я привела к нему уже знакомую ему девочку, он отверг ее и, давая для поощрения мне три су, сказал: «Я никогда не встречаюсь дважды, дитя мое; приводи ко мне тех, которых я не знаю, а не тех, которые тебе скажут, что уже имели дело со мной». Я стала действовать успешнее: за три месяца я познакомила отца Лорана более чем с двадцатью новыми девочками, с которыми он в свое удовольствие проделывал те же самые шутки, что и со мной. Договорившись выбирать для него только незнакомок, я соблюдала еще и уговор, о котором он мне настоятельно напомнил, относительно возраста: между четырьмя и семью годами. И дела мои шли как нельзя более удачно, когда вдруг моя сестра, замечая, что я пошла по ее стопам, пригрозила обо всем рассказать матери, если я не прекращу это милое занятие; и я оставила отца Лорана.

И все же, поскольку мои обязанности постоянно приводили меня в окрестности монастыря, в тот самый день, когда мне исполнилось семь лет, я встретила нового любовника, причудливая страсть которого, хотя довольно ребячливая, оказалась более серьезной. Этого человека звали отец Луи; он был старше Лорана и вел себя, так сказать, более распутно. Он подцепил меня у дверей церкви, когда я входила туда, и пригласил подняться к нему в комнату. Я колебалась вначале, но когда он убедил меня, что моя сестра три года назад поднималась туда и что каждый день он принимал там маленьких девочек моего возраста, я пошла за ним. Едва мы оказались в его келье, как он тотчас же захлопнул дверь и, налив сиропа, заставил меня выпить три стакана подряд. Приготовив меня таким образом, преподобный отец, более ласковый, чем его собрат, принялся целовать меня и, все с шуточками да улыбками, развязал мне юбку, подоткнув мою рубашку под корсет; сопротивление было слишком слабым, и он добрался до всего, что он только что обнажил у меня спереди; хорошенько ошупав и осмотрев все, он спросил, не хочу ли я пописать. Побуждаемая к этой нужде большой дозой напитка, которую он только что заставил меня выпить, я уверила его, что хочу и очень, но что мне неловко это делать при нем. «О! Черт подери! Да, именно так, маленькая плутовка, – прибавил этот распутник. – О! Именно так, черт подери, ты и сделаешь это при мне, более того, прямо на меня. Держи, – сказал он, вынимая свой член из штанов, – вот орудие, которое ты сейчас зальешь; писать надо на него». С этими словами он взял меня и, поставив на два стула: одной ногой – на один, другой – на второй, раздвинул мне ноги как можно шире, потом велел присесть. Держа меня в таком положении, он подставил под меня ночной горшок, устроился на маленьком табурете на уровне горшка, держа в руках свое орудие прямо под моей щелкой. Одной рукой он придерживал меня за бедра, другой – свой член, а мой рот, который в такой позиции оказался рядом с его ртом, страстно целовал. «Давай же, крошка моя, писай, – сказал мне он, – облей мой член этой волшебной влагой, чьи теплые струи так властвуют над моими чувствами. Писай, сердце мое, писай и постарайся залить его весь». Луи оживился, возбудился, нетрудно было заметить, что это единственное в своем роде действие более всего воодушевляло его чувства. Самый нежный экстаз испытал он в тот самый момент, когда воды, которыми он мне наполнил желудок, брызнули с силой и потекли, и мы вместе одновременно наполнили один и тот же горшок: он – спермой, я – мочой. Закончив операцию, Луи повел тот же разговор, что и Лоран; он хотел сделать сводницу из своей маленькой блудницы; на этот раз, нисколько не смущаясь угрозами моей сестрицы, я смело доставляла Луи всех знакомых детей. Он заставлял всех делать одно и то же и, поскольку достаточно часто встречался с ними – по два-три раза, – платил мне всегда отдельно, независимо от того, что я вытягивала из своих маленьких подруг; через шесть месяцев у меня в руках оказалась небольшая сумма, которой я распорядилась по собственному усмотрению с одной лишь предосторожностью – в глубокой тайне от моей сестры.

– Дюкло, – прервал на этом президент, – разве вас не предупреждали о том, что в ваших рассказах должны присутствовать самые значительные и одновременно самые мельчайшие подробности? Что для верного нашего представления о пристрастиях и нраве мужчины, о котором рассказывают, нельзя упускать никаких деталей? Что именно от подробностей мы ждем того, ради чего и ведутся все рассказы – возбуждения наших чувств?

– Да, ваша милость, – сказала Дюкло, – меня предупредили о том, чтобы я не пренебрегала ни одной подробностью и входила в самые мельчайшие детали каждый раз, когда они служат для того, чтобы пролить свет на характеры или на манеру. Разве я что-то упустила?

– Да, – сказал президент, – я не имею никакого представления о члене вашего второго реколлекта, и никакого представления об его извержении. А еще, гладил ли он вам дыру, касался ли он ее своим членом? Вы видите, сколько упущенных подробностей!

– Простите, – сказала Дюкло, – я сейчас исправлю эти ошибки и буду следить за собой впредь. У отца Луи был довольно заурядный член, скорее длинный, чем толстый, и вообще выглядевший очень обычно. Я даже вспоминаю, что он достаточно плохо вставал и становился слегка твердым лишь в момент наивысшей точки. Дырку он мне совершенно не тер, он довольствовался тем, что как можно шире раздвигал ее пальцами, чтобы лучше текла моча. Он приближал к ней свой член очень осторожно раза два-три, и разрядка его была слабой, короткой, без прочих бессвязных слов с его стороны, кроме: «Ах! Как сладко, писай же, писай, разве ты не видишь, что я теку?» И он перемежал все это поцелуями в губы, в которых не было ничего распутного.

– Именно так, Дюкло, – сказал Дюрсе, – президент был прав; я не мог себе ничего вообразить из первого рассказа, а теперь представляю себе вашего мужчину.

– Минуточку, Дюкло, – сказал епископ, видя, что она собирается продолжить, – я со своей стороны испытываю нужду посильней, чем нужда пописать; я уже достаточно терпел и чувствую, что надо от нее избавиться.

С этими словами он притянул к себе Нарцисса. Глаза прелата извергали огонь, его член словно приклеился к животу; он был весь в пене, это было сдерживаемое семя, которое непременно хотело излиться и могло это сделать лишь с помощью сильных средств. Епископ уволок свою племянницу и мальчика в комнату. Все замерло: разрядка считалась чем-то настолько важным, что ничто иное не могло происходить в такую минуту. Но на этот раз природа не откликнулась на желания прелата, и спустя несколько минут после того, как он закрылся в своей комнате, он вышел разъяренный в том же состоянии эрекции и, обращаясь к Дюрсе, который отвечал за этот месяц, сказал, грубо отшвырнув от себя ребенка: «Ты предоставишь мне этого маленького плута для наказания в субботу, и пусть оно будет суровым, прошу тебя». Все ясно увидели, что мальчик не смог его удовлетворить; Юлия рассказала об этом тихонько своему отцу. «Ну, черт подери, возьми себе другого, – сказал герцог, – выбери среди наших квадрилий, если твоя тебя не удовлетворяет».

– О! Мое желание сейчас слишком далеко от того, что я испытывал совсем недавно, – сказал прелат. – Вы знаете, куда уводит нас обманутое желание. Я предпочитаю сдерживать себя, но пусть не церемонятся с этим маленьким болваном, – продолжал он, – вот что я вам рекомендую...

– О! Ручаюсь тебе, он будет наказан, – сказал Дюрсе. – Хорошо, что первое наказание станет уроком другим. Мне досадно видеть тебя в таком состоянии: попробуй что-нибудь другое, потешь себя.

– Монсеньор, – сказала Мартен, – я очень расположена к тому, чтобы удовлетворить вас.

– А, нет, нет, черт подери, – сказал епископ, – разве вы не знаете, что бывает столько случаев, когда тебя воротит от женской задницы? Я подожду, подожду. Пусть Дюкло продолжает, это пройдет сегодня вечером; мне надо найти то, что мне нужно. Продолжай, Дюкло.

И когда друзья от души посмеялись над распутной чистосердечностью епископа (*«бывает столько случаев, когда тебя воротит от женской задницы!»*), рассказчица продолжила свой рассказ:

– Мне исполнилось семь лет, когда однажды я, как обычно, привела к Луи одну из своих маленьких подружек и обнаружила в его келье еще одного монаха того же монастыря. Поскольку такого никогда раньше не случалось, я удивилась и хотела было уйти, но Луи успокоил меня, – и мы с моей подружкой решили остаться. «Ну вот, отец Жоффруа, – сказал Луи, подталкивая меня к своему другу, – разве я тебе не говорил, что она милашка?» – «Да, действительно, – сказал Жоффруа, усаживая меня к себе на колени и целуя. – Сколько тебе лет, крошка?» – «Семь лет, отец мой». – «Значит, на пятьдесят лет меньше, чем мне», – сказал святой отец, снова целуя меня. Во время этого короткого монолога готовился сироп и, по обыкновению, каждую из нас заставили выпить по три больших стакана подряд. Но поскольку я не имела привычки пить его, когда приводила свою добычу к Луи, а он давал сироп только той, кого я приводила, и, как правило, я не оставалась при этом, а тотчас же уходила, я была удивлена такой предупредительностью на сей раз и самым наивным, невинным тоном сказала: «А почему вы и меня заставляете пить, отец мой? Вы хотите, чтобы я писала?» – «Да, дитя мое! – сказал Жоффруа, который по-прежнему держал меня, зажав ляжками, и уже гладил руками мой перед. – Да, мы хотим, чтобы ты пописала; это приключение ты разделишь со мной, может быть, несколько иначе, чем то, что с тобой происходило здесь раньше. Пойдем в мою келью, оставим отца Луи с твоей маленькой подружкой. Мы соберемся вместе, когда сделаем все свои дела». Мы вышли; Луи тихонько меня попросил быть полюбезнее с его другом и сказал, что мне ни о чем не придется жалеть. Келья Жоффруа была невдалеке от кельи Луи, и мы добрались туда, никем не замеченные. Едва мы вошли, как Жоффруа, хорошенько забаррикадировав дверь, велел мне снять юбки. Я подчинилась: он сам поднял на мне рубашку, задрал ее над пупком и, усадив меня на край своей кровати, раздвинул мне ноги как можно шире и продолжал клонить меня назад так, что открылся ему весь мой живот, а тело мое опиралось лишь на крестец. Он приказал мне хорошенько держаться в этой позиции и начинать писать тотчас же после того, как он легонько ударит меня рукой по ляжкам. Поглядев с минуту на меня в таком положении и продолжая одной рукой раздвигать мне нижние губы, другой рукой он расстегнул свои штаны и начал быстрыми и резкими движениями трясти маленький, черный, совсем чахлый член, который, казалось, был не слишком расположен к тому, чтобы отвечать на то, что от него требовалось. Чтобы определить его задачу с большим успехом, наш муж принялся за дело, прибегнув к своему излюбленному способу, который доставлял ему наиболее чувствительное наслаждение: он встал на колени у меня между ног, еще мгновение глядел внутрь отверстия, которое я ему предоставила, несколько раз прикладывался к нему губами, сквозь зубы бормоча какие-то сладострастные слова, которых я не запомнила, потому что не понимала их тогда, и продолжал тереть свой член, который от этого ничуть не возбуждался. Наконец, его губы плотно прилипли к моим нижним губкам, я получила условный сигнал, и, тотчас же обрушив в рот этого типа содержимое моего нутра, залила его потоками мочи, которую он глотал с той же быстротой, с какой я изливала ее ему в глотку. В этот момент его член распрямился, и головка уперлась в одну из моих ляжек. Я почувствовала, как он браво метит ее бесстыдными изливаниями своей немощной плоти. Все так отлично совпало, что он глотал последние капли в тот самый момент, когда его член, совершенно смущенный своей победой, оплакивал ее кровавыми слезами. Жоффруа поднялся, шатаясь. Он швырнул мне двенадцать су, открыл дверь,

не прося, как другие, приводить к нему девочек (судя по всему, он доставал их себе в другом месте), и, показав дорогу к келье своего друга, велел мне идти, сказав, что торопится на службу и не может меня проводить; он заперся в келье так быстро, что не дал мне ответить.

– Да, действительно, – сказал герцог, – есть много людей, которые совершенно не могут пережить миг утраты иллюзий. Кажется, их гордость может пострадать от того, что они позволят женщине увидеть себя в подобном состоянии слабости и что отвращение рождается от смущения, которое они испытывают в этот момент.

– Нет, – сказал Кюрваль, которого, стоя на коленях, мастурбировал Адонис, сам же он ощупывал Зельмиру, – нет, мой друг, гордость здесь ни при чем; предмет, который по сути своей не имеет никакой ценности, кроме той, которую ему придает ваша похоть, предстает совершенно таким, каков он есть, когда похоть угасает. Чем неистовее было возбуждение, тем безобразнее выглядит этот предмет, когда возбуждение больше не поддерживает его, точно так же, как мы бываем более или менее утомлены в силу большего или меньшего числа исполненных нами упражнений; отвращение, испытанное нами в этот момент, всего лишь ощущение пресыщенной души, которой претит счастье, поскольку оно ее только что утомило!

– Но все же из этого отвращения, – сказал Дюрсе, – часто рождается замысел мести, и мрачные последствия этого нам приходилось видеть.

– Ну, это другое дело, – сказал Кюрваль. – А поскольку продолжение этих повествований, возможно, даст нам примеры того, о чем вы говорите, не будем спешить с рассуждениями, пусть эти факты явятся сами собой.

– Президент, скажи по правде, – продолжал Дюрсе, – неужели на пороге плотских утех, как, к примеру, сейчас, вместо того, чтобы предвкушать радости и думать о том, как ты насладишься, ты стал бы рассуждать о последующем отвращении?

– Вовсе нет, ни слова не скажу, – ответил Кюрваль. – Я совершенно хладнокровен... Весьма очевидно, – продолжал он, целуя Адониса в губы, – что это дитя очаровательно... но овладеть им не дозволено, не знаю ничего хуже ваших законов... Надо ограничиться некоторыми... вещами. Давай, давай, продолжай, Дюкло, поскольку чувствую, что вот-вот набедокурю, я хочу, чтобы моя иллюзия продержалась хотя бы до того момента, когда я лягу в постель.

Президент при виде своего готовящегося к мятежу орудия отправил двух детей на их места и снова улегся подле Констанции, которая, какой бы несомненно привлекательной ни была, все же не слишком возбуждала его; он опять призвал Дюкло продолжать, и она тотчас подчинилась, говоря так:

– Я вернулась к своей подружке. Операция Луи закончилась, и мы, не скажу чтобы радостные и довольные, покинули монастырь (я – почти с решимостью больше туда не возвращаться). Обращение Жоффруа ранило мое детское самолюбие, и, не стараясь понять до конца, откуда проистекало это отвращение, я не хотела больше ни следствий, ни последствий. Но все же на роду мне было написано пережить еще несколько приключений в этом монастыре, и пример моей сестры, которая, по ее словам, имела дело более чем с четырнадцатью мужчинами, должен был убедить меня в том, что мне еще далеко до конца своих походов. Я догадалась об этом три месяца спустя после вышеописанного приключения, когда ко мне обратился один из этих отцов преподобных, человек лет шестидесяти. Не было такой хитрости, какой бы он не придумывал, чтобы склонить меня прийти в его келью. Наконец ему это удалось одним прекрасным воскресным утром, сама не знаю, как и почему я там оказалась. Старый распутник, звали его отец Анри, тотчас же запер дверь и от души поцеловал меня. «А! Плутовка! – воскликнул он радостно. – Ты теперь у меня в руках, на этот раз от меня не убежишь». Было очень холодно, мой маленький нос был полон соплей,

как это довольно часто бывает у детей. Я хотела высморкаться. «Ну, нет, нет! – возмутился отец Анри. – Я, я сам проделаю эту операцию, моя крошка». И, уложив меня на свою кровать так, что голова немного свешивалась вниз, он сел рядом со мной, притянув мою голову к себе на колени. Должна сказать, что он просто пожирал глазами эти выделения. «О! Прекрасно, маленькая соплюшка, – говорил он, млея. – Вот я сейчас и высосу это!» Склонившись надо мной и обхватив мой нос губами, он не только проглотил все эти сопли, но даже сладострастно поводит кончиком языка по очереди в обеих моих ноздрях, и с таким мастерством, что ему удалось вызвать у меня два-три чиханья; это удвоило страстно желаемый поток, лично им поглощенный. Но об этом человеке не спрашивайте у меня подробностей, господа: то ли он ничего не сделал, то ли сделал свое дело в штаны, – я ничего не заметила, и среди его обильных поцелуев и облизываний я не отметила никаких признаков извержения; поэтому я думаю, что такового и не случилось. Он более не приставал ко мне, даже руки его не ощупывали меня; уверяю вас, фантазия этого старого развратника могла бы достигнуть своей цели с самой честной и самой неискушенной девочкой в мире, да так, что она не смогла бы увидеть в этом и тени разврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.